

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Правовой статус арбитражного управляющего»

Обучающийся

К.Ю. Шевченко

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

к.ю.н., А.В. Кирсанова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

В современных условиях, характеризующихся кризисными явлениями в отечественной экономике, вопросы, связанные с осуществлением антикризисного управления, в контексте несостоятельности (банкротства), не просто сохраняют свою актуальность, но и выходят на новый по значимости уровень.

Одним из ключевых субъектов института несостоятельности (банкротства), является арбитражный управляющий – профессиональный участник, обладающий особым правовым положением. Именно от эффективности его деятельности, во многом, зависит результат проведения отдельной процедуры несостоятельности (банкротства), а также полноценное удовлетворение требований кредиторов.

Многие вопросы, связанные с реализацией арбитражным управляющим своих прав и обязанностей, в контексте осуществления антикризисного управления, также не достаточно чётко урегулированы законодателем. Не лишены проблем как на уровне толкования, так и на уровне правоприменения, вопросы, связанные с ответственностью арбитражного управляющего, что также актуализирует исследования в данном направлении.

Цель работы: изучить основные проблемы, связанные с правовым статусом арбитражного управляющего в Российской Федерации.

Вопросы, связанные с особенностями правового статуса арбитражного управляющего, разрешаются в работах разных специалистов.

Следует выделить работы таких авторов как: И.Н. Бабкина, В.В. Витрянский, А.В. Винницкий, Н.С. Качиян, А.А. Кравченко, Е.В. Мурашкина, В.Ф. Попондопуло, Е.А. Рыбасова, Т.П. Шишмарева, Д.О. Яровой и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Общая характеристика гражданско-правового статуса арбитражного управляющего.....	7
1.1 Понятие гражданско-правового статуса арбитражного управляющего.....	7
1.2 Эволюция законодательства Российской Федерации, регламентирующего деятельность арбитражного управляющего.....	12
1.3 Требования, предъявляемые к лицу, претендующему на получение статуса арбитражного управляющего.....	18
Глава 2 Особенности отдельных аспектов правового статуса арбитражного управляющего в банкротстве.....	26
2.1 Особенности прав и обязанностей арбитражного управляющего в деле о банкротстве.....	26
2.2 Порядок прекращения полномочий, замена и отстранение арбитражного управляющего в деле о банкротстве.....	40
Глава 3 Актуальные вопросы ответственности арбитражного управляющего.....	50
3.1 Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего.....	50
3.2 Административная и дисциплинарная ответственность арбитражного управляющего.....	60
Заключение.....	72
Список используемой литературы и используемых источников.....	78

Введение

Актуальность исследования. В современных условиях, характеризующихся кризисными явлениями в отечественной экономике, вопросы, связанные с осуществлением эффективного антикризисного управления, в контексте несостоятельности (банкротства), не просто сохраняют свою актуальность, но даже выходят на новый по значимости уровень.

Одним из ключевых субъектов института несостоятельности (банкротства), в соответствии с положениями действующего Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [73] (Закон о банкротстве), является арбитражный управляющий – профессиональный участник, обладающий особым правовым положением.

Именно от эффективности деятельности данного субъекта антикризисного управления, во многом, зависит не только результат проведения отдельной процедуры несостоятельности (банкротства), а также полноценное удовлетворение требований кредиторов, что является несомненно важным.

Как верно отмечает М.С. Русанов, «эффективность арбитражного управления определяется, с одной стороны, уровнем профессионализма арбитражного управляющего, соответствия его правовым требованиям, предъявляемым к нему действующим законодательством, а, с другой стороны, – надлежащим исполнением им обязанностей при проведении отдельных процедур несостоятельности банкротства» [57, с. 3].

Именно по этой причине значение требований, предъявляемых к лицам, претендующим на получение статуса арбитражного управляющего, так велико в современных кризисных условиях регулирования данных отношений в российском государстве.

Несмотря на ту важную роль, что отведена арбитражному управляющему в процедуре несостоятельности (банкротства), нельзя признать ясным его правовое положение, которое в условиях реформирования действующего законодательства, не раз подвергалось корректировкам.

Многие вопросы, связанные с реализацией арбитражным управляющим своих прав и обязанностей, в контексте осуществления антикризисного управления, также не достаточно чётко урегулированы законодателем. Не лишены проблем как на уровне толкования, так и на уровне правоприменения, вопросы, связанные с ответственностью арбитражного управляющего, что также актуализирует исследования в данном направлении.

Цель исследования: изучить основные проблемы, связанные с правовым статусом арбитражного управляющего в Российской Федерации.

Задачи исследования:

сформулировать понятие гражданско-правового статуса арбитражного управляющего;

рассмотреть эволюцию отечественного законодательства, регламентирующего деятельность арбитражного управляющего;

обозначить требования, предъявляемые к лицу, претендующему на получение статуса арбитражного управляющего;

охарактеризовать особенности прав и обязанностей арбитражного управляющего в деле о банкротстве;

рассмотреть порядок прекращения полномочий, замены и отстранения арбитражного управляющего в деле о банкротстве;

проанализировать ряд актуальных вопросов гражданско-правовой ответственности, а также административно-правовой ответственности арбитражного управляющего по действующему законодательству Российской Федерации.

Объект исследования: общественные отношения, регулирующие деятельность арбитражного управляющего и его правовой статус.

Предмет исследования: положения действующего законодательства, а также материалы правоприменительной практики, связанные с деятельностью арбитражного управляющего и его правовым статусом.

Методология исследования: в основе проведенного исследования лежит метод сравнительного анализа, исторический метод, логико-структурный анализ правовых норм, логический и аналитический метод.

В качестве нормативной основы исследования выступают нормы гражданского законодательства, включая положения федеральных законов и подзаконных нормативных документов.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с особенностями правового статуса арбитражного управляющего, разрешаются в работах разных специалистов.

Следует выделить работы таких авторов как: И.Н. Бабкина, В.В. Витрянский, А.В. Винницкий, Н.С. Качиян, А.А. Кравченко, Е.В. Мурашкина, В.Ф. Попондопуло, Е.А. Рыбасова, Т.П. Шишмарева, Д.О. Яровой и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика гражданско-правового статуса арбитражного управляющего

1.1 Понятие гражданско-правового статуса арбитражного управляющего

Деятельность в сфере антикризисного управления, будучи направленной на восстановление платежеспособности должника, удовлетворение требований кредиторов, а также достижение баланса частных и публичных интересов, находится в компетенции лиц, обладающих соответствующими профессиональными знаниями и практическим опытом – арбитражных управляющих.

Арбитражный управляющий – одна из ключевых фигур, участвующих в процедурах, связанных с несостоятельностью (банкротством) как юридических, так и физических лиц.

Определение родового понятия арбитражного управляющего содержится в Законе о банкротстве. В соответствии с достаточно кратким нормативным определением, это гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих (абз. 24 ст. 2 Закона о банкротстве).

С указанной родовой категорией связан целый ряд видовых категорий, определяемых в ст. 2 Закона о банкротстве, наличие которых предопределяется участием арбитражного управляющего в разном профессиональном качестве, применительно к различным процедурам, связанным с несостоятельностью (банкротством):

временный управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения наблюдения в соответствии с Законом о банкротстве;

административный управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения финансового оздоровления в соответствии с Законом о банкротстве;

внешний управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения внешнего управления и осуществления иных установленных Законом о банкротстве полномочий;

конкурсный управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для проведения конкурсного производства и осуществления иных установленных Законом о банкротстве полномочий;

финансовый управляющий – арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для участия в деле о банкротстве гражданина.

Непосредственно статус арбитражного управляющего законодателем обозначен в рамках отдельной ст. 20 «Арбитражные управляющие» Закона о банкротстве. В данной норме дублируется определение категории «арбитражный управляющий», приводимое в ст. 2 Закона о банкротстве, а также раскрывается ряд существенных аспектов, определяющих особенности статуса анализируемого субъекта профессиональной деятельности.

Примечательно, что законодатель, до внесения изменений в анализируемую ст. 20 Закона о банкротстве Федеральным законом от 30.12.2008 г. № 296-ФЗ [77], прямо определял необходимость наличия регистрации в качестве индивидуального предпринимателя для арбитражного управляющего, понимая осуществляемую им деятельность, как деятельность предпринимательскую.

При этом, в Конституционный Суд РФ в своём Постановлении от 19.12.2005 г. № 12-П отметил, что необходимость регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, адресованная арбитражному управляющему, «с учётом ст. 2 ГК Российской Федерации о предпринимательской деятельности как самостоятельной, осуществляемой на

свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, не сочетается с реальным характером деятельности арбитражного управляющего как лица, осуществляющего преимущественно публичные функции» [44].

Другими словами, Конституционный Суд РФ счёл сомнительным отождествление деятельности арбитражного управляющего и предпринимательской деятельности.

В дальнейшем, в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации, утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ от 21.10.2015 г. [28], профессиональная деятельность арбитражного управляющего, понимаемая, как частная практика, была разграничена с деятельностью предпринимательской – Верховный Суд РФ сформулировал свою позицию достаточно ясно: «регулируемая законодательством о банкротстве деятельность арбитражных управляющих не является предпринимательской деятельностью» (п. 13 Обзора).

Таким образом, в настоящее время деятельность арбитражного управляющего является частной практикой, которая реализуется арбитражным управляющим, как субъектом профессиональной деятельности, регулируемой Законом о банкротстве.

Анализируемый статус арбитражного управляющего лицо приобретает с момента вступления в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих (СРО) – некоммерческую организацию, созданную гражданами РФ и основанную на членстве арбитражных управляющих, целями деятельности которой являются регулирование и обеспечение деятельности арбитражных управляющих (абз. 32 ст. 2 Закона о банкротстве).

Что касается иных профессиональных «ролей», в которых арбитражный управляющий принимает участие в процедурах, связанных с несостоятельностью (банкротством), то таковые возникают с момента

утверждения арбитражным судом арбитражного управляющего в соответствующем качестве: финансового, временного, административного, внешнего или конкурсного управляющего.

Что же входит в содержание правового статуса арбитражного?

В Большом юридическом словаре даётся следующее определение: «правовой статус – это юридически закреплённое положение субъекта в обществе, которое выражается в определенном комплексе его прав и обязанностей, иных правовых возможностей и ответственности» [5, с. 521].

Как верно указывается авторами, «ограничивается понятие правового статуса категориями прав, свобод и обязанностей, которые позволяют четко выделить его структуру» [23, с. 115].

Таким образом, анализ правового статуса арбитражного управляющего предполагает, в первую очередь, анализ прав, обязанностей и ответственности арбитражного управляющего, в соответствии с нормами действующего законодательства.

Исходя из нормативного определения арбитражного управляющего, а также научного определения правового статуса, можно сформулировать следующее определение правового статуса арбитражного управляющего: это закреплённое в действующем законодательстве правовое положение гражданина РФ, являющегося членом СРО арбитражных управляющих, которое выражается в комплексе прав, обязанностей и ответственности данного субъекта, в контексте осуществления таковым своей профессиональной деятельности.

Законодатель не ограничивает лиц, получивших в установленном законом порядке статус арбитражного управляющего, в возможности совмещать свою деятельность в данном качестве с иными направлениями деятельности, включая возможность осуществления предпринимательской деятельности, при условии, что совмещение различных направлений профессиональной самореализации не станет препятствием для надлежащего исполнения обязанностей, предусмотренных Законом о банкротстве.

Безусловно, реализуя функции арбитражного управляющего в конкретном деле, лицо должно действовать в обстановке независимости, исключая личной заинтересованности, с учётом положений ст. 19 Закона о банкротстве.

Подобное положение, допускающее осуществление дополнительной деятельности, реализуемой носителем специального статуса, без ущерба для выполнения непосредственных профессиональных обязанностей, предусматривается для адвокатов. Приоритет выполнения профессиональных обязанностей адвоката по принятым поручениям обозначен в п. 4 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката [17].

При этом, осуществление адвокатом иной деятельности не должно порочить честь и достоинство адвоката или наносить ущерб авторитету адвокатуры.

В этой связи, практический интерес представляет вопрос возможности совмещения лицом двух профессиональных статусов: арбитражного управляющего и адвоката.

Несмотря на то, что Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [78] каких-либо запретов на этот счёт не содержит, вопрос о возможности совмещения статуса арбитражного управляющего и статуса адвоката стал предметом обсуждения Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, которая дала следующее разъяснение: «законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также Кодекс профессиональной этики адвоката не содержат прямого запрета совмещать статус адвоката и статус арбитражного управляющего.

Вместе с тем на практике совмещение статуса адвоката и статуса арбитражного управляющего может приводить к возникновению конфликта указанных статусов друг с другом. Деятельность лица в случае возникновения конфликта имеющихся у него профессиональных статусов может привести к тому, что осуществление полномочий в соответствии с одним из статусов

будет свидетельствовать о нарушении ограничений, установленных применительно ко второму статусу» [56].

Таким образом, совмещать на законных основаниях статус арбитражного управляющего и статус адвоката можно, однако, носителю двух обозначенных статусов следует избегать возможного конфликта имеющихся у него профессиональных статусов, поскольку в определённых ситуациях может возникнуть сложный выбор – какому именно виду профессиональной деятельности отдать приоритет.

Вопрос же о возможности справляться со всеми поставленными задачами, связанными с каждым из обозначенных статусов (при их совокупном наличии) на должном профессиональном уровне, относится к сфере личной ответственности и компетенции соответствующего специалиста.

Как представляется, при должном планировании своего рабочего графика и ответственном отношении к принятым обязательствам, совмещение статусов не будет проблематичным.

1.2 Эволюция законодательства Российской Федерации, регламентирующего деятельность арбитражного управляющего

Современное нормативное регулирование деятельности арбитражного управляющего в сфере антикризисного управления – это результат длительной эволюции законодательства в соответствующей сфере, происходившей в условиях политических и экономических реалий, которые складывались на определённых этапах исторического развития.

При этом, становление и развитие института арбитражного управляющего неразрывно связано со становлением и развитием норм, регламентирующих институт несостоятельности (банкротства).

Условно, периодизация в развитии отечественного законодательства в указанной сфере, охватывает: дореволюционный, советский и постсоветский периоды развития.

Первые нормы о несостоятельности должника можно найти уже в нормах такого исторического правового документа, как Русская правда [58] – в виде закрепления последствий неисполнения денежных обязательств и ответственности должника.

Псковская судная грамота 1467 г. [55] закрепила принцип пропорционального удовлетворения требований кредиторов и ввела институт реализации предмета залога.

Отдельные положения, касающиеся несостоятельности, в виде заимствований из Русской правды и Псковской судной грамоты, нашли своё отражение в Судебнике 1497 г. [61] и Судебнике 1550 г. [62]

Тем не менее, данные нормы были всё ещё далеки от современных законоположений. Активизация развития отечественного законодательства в анализируемой сфере произошла лишь к началу 19 века, в связи с подготовкой и принятием единого кодифицированного нормативного документа – Устава о банкротах от 19.12.1800 г. [67], который предусматривал участие особых субъектов – кураторов, избираемых из числа кредиторов.

В числе требований к таковым указывалось, что данные лица не должны иметь отношения к лицам духовного звания, мещанам, крестьянам, крепостным, а также должны быть «добрыми и неподозрительными», что соотносилось с сословным характером отношений на текущем этапе развития.

В ст. 120 Устава также определялся размер вознаграждения, применительно к кураторам, выплачиваемый за счёт средств банкрота, что указывает на возмездность данной деятельности.

Развитие соответствующих правоотношений привело к принятию нового Устава о торговой несостоятельности от 23.06.1832 г. [68], сделавшего очередной шаг в совершенствовании нормативного регулирования

деятельности в сфере антикризисного управления рассматриваемого исторического периода.

Как отмечается отдельными авторами, в полной мере предшественником современного арбитражного управляющего можно считать присяжного (конкурсного) попечителя, «функцией которого было управление имуществом должника при введении в отношении его процедуры банкротства до открытия конкурсного производства» [80, с. 90].

Е.Д. Пахольчик отмечает, что данный субъект фигурирует в положениях Устава торгового судопроизводства – ещё одного значимого правового документа второй половины XIX столетия: «на присяжных попечителей в соответствии с Уставом торгового судопроизводства возлагались управление и охрана имущества несостоятельного лица до назначения конкурсного управляющего. Присяжные попечители назначались судом по списку кандидатов, избираемых купечеством, причем суд принимал меры к тому, чтобы попечитель был в одной гильдии с должником или занимался аналогичным видом торговли. Запрещалось назначение присяжным попечителем лица, которое было в родстве с должником» [35, с. 35].

Можно сделать вывод о публичной природе функций данного субъекта и провести определённые параллели с современным институтом арбитражного управляющего.

Регулирование правоотношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) претерпело кардинальные изменения при переходе от дореволюционного к советскому периоду развития отечественного права, в связи с Революцией 1917 г.

Как указывается специалистами, «перестали подлежать правовой защите в советских судах все отношения, возникшие до 7 ноября 1917 года. Споры по таким отношениям не принимались и не рассматривались судами» [3, с. 110].

Дальнейшее развитие правового регулирования института несостоятельности (банкротства) возобновилось лишь спустя несколько лет.

Нормы, касающиеся несостоятельности были упомянуты в положениях ГК РСФСР 1922 г. [42], а также ГПК РСФСР 1923 г. [41]

В целом, советский период регулирования отношений, возникающих в сфере несостоятельности (банкротства) отличался незавершенностью и неполнотой – «официальная доктрина не признавала институт банкротства, поскольку при плановой социалистической экономики нет места несостоятельности» [3, с. 112].

В учебной литературе середины XX века указывалось: «единство государственной социалистической собственности и плановый характер советского хозяйства несовместимы с признанием возможности ликвидировать государственное предприятие по мотивам несостоятельности, по требованиям кредиторов. Это противоречило бы плановой организации социалистического хозяйства» [10, с. 155].

В этой связи, в начале 60-х годов XX столетия нормы о банкротстве были исключены из норм советского гражданского законодательства.

Возрождение института несостоятельности в российском праве произошло уже в постсоветский период. В Указе Президента РФ от 14.06.1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» [65] получил своё нормативное закрепление такой субъект, как административный управляющий.

Однако, комплексное регулирование исследуемого круга вопросов, а также нормативное оформление категории «арбитражный управляющий» было осуществлено законодателем уже в положениях Закона РФ от 19.11.1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [12].

Данная категория получила законодательное определение в Преамбуле данного нормативно-правового акта, где было определено, что арбитражным управляющим является «лицо, назначаемое арбитражным судом, которому передаются функции внешнего управления имуществом должника».

Обозначенный документ содержал достаточно широкий спектр положений, регулирующих вопросы несостоятельности (банкротства), заимствуя, как отмечается отдельными специалистами, «опыт законодательного регулирования отношений с неплатежеспособным или несостоятельным субъектом в США» [84, с. 15].

Тем не менее, несмотря на актуальность и значимость обозначенного нормативного документа, позволившего реально осуществлять банкротство отдельных субъектов, он не был лишён недостатков, нуждавшихся в дальнейшей корректировке.

Как пишет И.Н. Бабкина, «законодателем не был определён статус управляющего и решён вопрос его вознаграждения, не была обеспечена минимальная степень социальной защищённости» [3, с. 113].

Все это обуславливает необходимость реформирования, как в целом института несостоятельности, так и института арбитражных управляющих. Впоследствии был принят Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [72]. Его концепция по сравнению с предшествовавшим законодательством существенно изменилась.

В новом законодательном акте, категория «арбитражный управляющий» была определена следующим образом: «арбитражный управляющий (временный управляющий, внешний управляющий, конкурсный управляющий) – лицо, назначаемое арбитражным судом для проведения процедур банкротства и осуществления иных полномочий, установленных настоящим Федеральным законом».

Тем не менее, кризисные явления в отечественной экономике, а также практика реализации процедур, связанных с решением вопроса о несостоятельности (банкротстве), ставили перед наукой и практикой новые проблемы.

Как отмечают отдельные специалисты, «одним из наиболее актуальных вопросов в российской системе несостоятельности определённно является проблема арбитражных управляющих. И дело здесь не только в их недостаточном

количестве (принимая во внимание число дел, рассматриваемых арбитражными судами). Арбитражные суды сталкиваются с многочисленными фактами некомпетентного, а иногда и недобросовестного ведения дел должником арбитражным управляющим» [7, с. 95].

Существующие вопросы, связанные с регулированием процедур несостоятельности (банкротства), а также связанные с деятельностью арбитражных управляющих предопределили новый этап реформирования существующего регулирования, что выразилось в принятии нового законодательного акта – Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Закон о банкротстве), действующего в настоящее время, с рядом изменений и дополнений, внесённых в данный документ за двадцать лет применения.

Проведённый анализ отечественного законодательства, регламентирующего деятельность арбитражного управляющего, позволяет сделать вывод о том, что соответствующие нормативные положения формировались и развивались в общем контексте правового регулирования несостоятельности на разных этапах исторического развития.

Отдельные положения, касающиеся несостоятельности были обозначены уже в древнейших источниках отечественного права, но, тем не менее, данные нормы были всё ещё далеки от современных законоположений.

Первые значимые шаги законодателя в комплексном регулировании анализируемых вопросов и введению прообраза современного арбитражного управляющего были осуществлены лишь в XIX столетии.

В советский период развития отечественного законодательства регулирование отношений, возникающих в сфере несостоятельности (банкротства) отличалось незавершенностью и неполнотой в связи с доктринальным отказом от признания необходимости соответствующего регулирования в условиях плановой экономики.

Лишь в постсоветский период началось формирование нового законодательного регулирования вопросов несостоятельности и произошло

нормативное оформление субъекта соответствующих отношений – «арбитражного управляющего».

В настоящее время правовой статус арбитражного управляющего обозначен и комплексно урегулирован в положениях действующего Закона о банкротстве.

1.3 Требования, предъявляемые к лицу, претендующему на получение статуса арбитражного управляющего

Эффективность и результативность деятельности арбитражного управляющего, во многом, предопределяется уровнем его профессионализма – целостным соответствием тем компетенциям, которые заложены в комплексе требований, предъявляемых к данному субъекту действующим законодательством. В этой связи, значение требований, предъявляемых к лицу, претендующему на получение статуса арбитражного управляющего, довольно сложно переоценить.

Основные нормативные требования, которым должно соответствовать лицо, претендующее на получение статуса арбитражного управляющего, определены законодателем в ряде положений Закона о банкротстве.

При этом, данные требования, условно, можно разделить на:

Базовые требования, предъявляемые к арбитражному управляющему по нормативному определению, сформулированному в п. 1 ст. 20 Закона о банкротстве: гражданство РФ, членство в одной из СРО арбитражных управляющих.

Возможность получить статус арбитражного управляющего предусматривается только для граждан РФ, что исключает данную правовую возможность для иностранных граждан. Вопрос о возможности получить статус арбитражного управляющего лицу с двойным гражданством, одно из которых является гражданство РФ, остаётся открытым, поскольку прямого

запрета, препятствующего лицу с двойным гражданством стать арбитражным управляющим, анализируемое нормативное положение не содержит.

В этой связи представляется целесообразным уточнить в положениях Закона о банкротстве вопрос возможности получения статуса арбитражного управляющего гражданином РФ, имеющим иную правовую связь с зарубежным государством.

Членство в одной из СРО арбитражных управляющих – данное требование обусловлено, в первую очередь, необходимостью обеспечения высокого профессионального уровня деятельности арбитражного управляющего в сфере антикризисного управления, а также контроля за соответствием такой деятельности существующим профессиональным стандартам и правилам.

Организация и деятельность СРО арбитражных управляющих строится на основе базовых положений Федерального закона от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [70], а также специального регулирования, осуществляемого в рамках положений Закона о банкротстве.

Делегирование государством ряда важных функций, связанных с организацией, обеспечением и контролем за профессиональной деятельностью в определённой сфере, стало важным шагом в предоставлении возможностей для регулирования соответствующей деятельности в рамках самого профессионального сообщества, что позволяет построить такую работу с максимальным учётом специфики конкретного направления профессиональной деятельности, создавая должный баланс частных и публичных интересов.

Необходимость членства в СРО арбитражных управляющих критикуется в научных публикациях. В частности, отдельные специалисты после принятия Закона о банкротстве, выражали сожаление в связи с отказом законодателя от ряда поправок к данному документу, в соответствии с которыми предлагалось наряду с новой системой саморегулируемых организаций сохранить и существовавшую ранее «систему независимых

арбитражных управляющих, не являющихся членами СРО и зарегистрированных при арбитражных судах. Только в таких условиях конкуренции с независимыми арбитражными управляющими можно было надеяться на появление действительно самостоятельных в профессиональном отношении саморегулируемых организаций арбитражных управляющих» [26, с. 25].

Тем не менее, существующее регулирование не позволяет арбитражному управляющему осуществлять свою профессиональную деятельность не будучи членом СРО.

В п. 1 ст. 20 Закона о банкротстве указано, что арбитражный управляющий может быть членом лишь одной СРО арбитражных управляющих – членство в нескольких СРО противоречило бы, помимо указанного нормативного положения, также п. 4 ст. 5 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», содержащему соответствующий запрет.

Требования, связанные с необходимостью членства в СРО арбитражных управляющих (условия, обязательные для вступления), регламентированные в п. 2 – 3 ст. 20 Закона о банкротстве.

В целом, обозначенные требования касаются уровня профессиональных знаний и необходимого опыта в сфере управления; добропорядочности, а также реализации определённых формальных требований в отношении СРО арбитражных управляющих.

Наличие высшего образования является традиционным требованием для осуществления профессиональной деятельности, однако, законодатель не уточняет специальность или направление подготовки претендента на получение статуса арбитражного управляющего, что позволяет сделать вывод о необходимости наличия высшего образования любого уровня (специалитет, бакалавриат, магистратура) по любой специальности или направлению. Практика показывает, что в большинстве случаев арбитражные управляющие имеют высшее юридическое, либо экономическое образование и лишь в некоторых случаях иное профессиональное образование. Это обусловлено

спецификой вопросов, с которыми, в рамках осуществления своих профессиональных обязанностей, работает арбитражный управляющий.

Важным критерием соответствия знаний претендента тому минимуму, который необходим для осуществления деятельности в сфере антикризисного управления, является сдача теоретического экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих, утверждённой Приказом Минэкономразвития России от 10.12.2009 г. № 517 [54].

Организация и проведение теоретического экзамена по программе подготовки арбитражных управляющих регулируются ст. 20.1 Закона о банкротстве и Постановлением Правительства РФ от 28.05.2003 г. № 308 «Об утверждении Правил проведения и сдачи теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих» [52] и находится в ведении органа по контролю (надзору), которым в соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве, является федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ на осуществление федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр).

Обучение по данной программе проводится образовательной организацией, имеющей соответствующую лицензию, в рамках профессиональной переподготовки.

Требования, связанные со стажем работы на руководящих должностях, продолжительностью не менее года и наличием стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего в деле о банкротстве не менее чем два года, обусловлено необходимостью получения претендентом на получение статуса арбитражного управляющего практического опыта в сфере антикризисного управления, в ходе которого происходит применение теоретических знаний на практике и «оттачивается» профессиональное мастерство, образуя связь между знаниями о опытом.

Порядок проведения стажировки регламентирован отдельным Приказом Минэкономразвития России от 18.12.2012 г. № 799 [53].

Таким образом, законодатель, через комплекс нормативных требований, предъявляемых к лицу, претендующему на получение статуса арбитражного управляющего, создаёт основу правового статуса данного субъекта, ограничивая круг лиц, которые в силу своих объективных характеристик будут способны стать носителями соответствующих прав и обязанностей в сфере антикризисного управления.

Помимо вышеназванных основных нормативных требований, предъявляемых к лицу, претендующему на получение статуса арбитражного управляющего, могут иметь место дополнительные требования, которые, в соответствии с п. 4 ст. 20 Закона о банкротстве, может установить в качестве условий членства конкретная СРО арбитражных управляющих.

Соответственно, лицо, желающее вступить в СРО арбитражных управляющих, предъявляющую дополнительные требования к членству, должно соответствовать не только основным нормативным требованиям, обозначенным в п. 1 – 3 ст. 20 Закона о банкротстве, но и тем дополнительным требованиям, которые разработаны в данной СРО и предъявляются к претендентам на вступление.

Законодатель не конкретизирует содержание подобных дополнительных требований, которые могут быть установлены, наряду с основными нормативными требованиями, однако, указывает, что такие требования могут касаться:

компетентности – соответствующих профессиональных качеств, уровня профессиональных знаний (например, наличие учёной степени, наличие научных публикаций в сфере антикризисного управления, регулярность прохождения повышения квалификации и т.д.);

добросовестности – честного, ответственного отношения к осуществляемой деятельности и возложенным обязанностям (например, отсутствие удовлетворённых жалоб на действия (бездействие) арбитражного

управляющего, отсутствие фактов отстранения арбитражного управляющего от исполнения обязанностей, подтверждённых вступившими в силу судебными актами и т.д.);

независимости арбитражного управляющего – способности осуществлять профессиональную деятельность, руководствуясь исключительно законными целями, вне личной и иной заинтересованности (например, отсутствие у арбитражного управляющего лично или у его аффилированных лиц заинтересованности по отношению к должнику или кредиторам, отсутствие конфликта интересов и т.д.).

Также законодателем отдельно предусмотрены дополнительные требования, которые могут предъявляться конкурсным кредитором, или уполномоченным органом, являющимися заявителями по делу о банкротстве, либо собранием кредиторов к арбитражному управляющему при утверждении в деле о банкротстве: «наличие высшего юридического или экономического образования либо образования по специальности, соответствующей сфере деятельности должника; наличие определенного стажа работы на должностях руководителей организаций в соответствующей отрасли экономики; проведение в качестве арбитражного управляющего определенного количества процедур, применяемых в деле о банкротстве» (п. 3 ст. 20.2 Закона о банкротстве).

Очевидно, что подобные требования, сужающие круг арбитражных управляющих, подходящих для участия в конкретных процедурах, направлены на создание основы для максимальной эффективности антикризисного управления, осуществляемого арбитражным управляющим.

В заключении первой главы исследования сформулируем следующие выводы.

Определение родового понятия арбитражного управляющего содержится в Законе о банкротстве – это гражданин РФ, являющийся членом СРО арбитражных управляющих. Анализируемый статус лицо приобретает с момента вступления в СРО.

В настоящее время деятельность арбитражного управляющего является частной практикой, которая реализуется арбитражным управляющим, как субъектом профессиональной деятельности.

Исходя из нормативного определения арбитражного управляющего, а также научного определения правового статуса, можно сформулировать следующее определение правового статуса арбитражного управляющего: это закреплённое в действующем законодательстве правовое положение гражданина РФ, являющегося членом СРО арбитражных управляющих, которое выражается в комплексе прав, обязанностей и ответственности данного субъекта, в контексте осуществления таковым своей профессиональной деятельности.

Проведённый анализ отечественного законодательства, регламентирующего деятельность арбитражного управляющего, позволяет сделать вывод о том, что соответствующие нормативные положения формировались и развивались в общем контексте правового регулирования несостоятельности на разных этапах исторического развития.

Эффективность и результативность деятельности арбитражного управляющего, во многом, предопределяется уровнем его профессионализма – целостным соответствием тем компетенциям, которые заложены в комплексе требований, предъявляемых к данному субъекту действующим законодательством.

Основные нормативные требования, которым должно соответствовать лицо, претендующее на получение статуса арбитражного управляющего, определены законодателем в ряде положений Закона о банкротстве.

При этом, данные требования, условно, можно разделить на:

Базовые требования, предъявляемые к арбитражному управляющему по нормативному определению, сформулированному в п. 1 ст. 20 Закона о банкротстве;

Требования, связанные с необходимостью членства в СРО арбитражных управляющих (условия, обязательные для вступления), регламентированные в п. 2 – 3 ст. 20 Закона о банкротстве.

Также на уровне СРО, в качестве условий членства, могут устанавливаться дополнительные требования.

Вопрос о возможности получить статус арбитражного управляющего лицу с двойным гражданством, одно из которых является гражданство РФ, остаётся открытым. В этой связи представляется целесообразным уточнить в положениях Закона о банкротстве вопрос возможности получения статуса арбитражного управляющего гражданином РФ, имеющим иную правовую связь с зарубежным государством.

Как представляется, законодатель, через комплекс нормативных требований, предъявляемых к лицу, претендующему на получение статуса арбитражного управляющего, создаёт основу правового статуса данного субъекта, ограничивая круг лиц, которые в силу своих объективных характеристик будут способны стать носителями соответствующих прав и обязанностей в сфере антикризисного управления.

Глава 2 Особенности отдельных аспектов правового статуса арбитражного управляющего в банкротстве

2.1 Особенности прав и обязанностей арбитражного управляющего в деле о банкротстве

«Сердцевиной» правового статуса арбитражного управляющего является комплекс прав и обязанностей, которыми законодатель наделяет данного субъекта для того, чтобы он в полной мере мог реализовать свою роль в процедурах несостоятельности (банкротства).

Ст. 20.3 Закона о банкротстве содержит базовый комплекс прав и обязанностей арбитражного управляющего, сформулированный безотносительно конкретных процедур несостоятельности (банкротства), в которых арбитражный управляющий может принимать участие в соответствующем процедурном качестве.

Дополнительный объём правомочий, ориентированный на арбитражного управляющего, принимающего участие в процедурах несостоятельности в различных профессиональных ролях, регламентируется законодателем дополнительно, в соответствующих статьях Закона о банкротстве: для временного управляющего – ст. 66-67; для административного управляющего – ст. 83; для внешнего управляющего – ст. 99; для конкурсного управляющего – ст. 129; для финансового управляющего – ст. 213.9.

Дополнительный объём правомочий представляет собой уточнение общих прав и обязанностей арбитражного управляющего, применительно к специфике соответствующей процедуры.

Рассмотрим и проанализируем отдельные права и обязанности, включённые законодателем в общий комплекс правомочий, адресованных арбитражному управляющему, более подробно.

Для реализации задач соответствующей процедуры, арбитражный управляющий, как отмечают С.А. Устимова и Е.Н. Рассказова, наделён правомочием по собственной инициативе созывать собрание кредиторов и комитет кредиторов, в целях разрешения вопросов, относящихся к компетенции данных структур [69, с. 106].

Сообщество кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) реализует свои права посредством своих органов, которые создаются в процессе производства по делу о несостоятельности.

«В российском законодательстве о несостоятельности, так же как и в мировой практике, предусмотрено создание двух органов самоуправления сообщества кредиторов в процедурах несостоятельности: собрания кредиторов и комитета кредиторов» [84, с. 89] – указывается Т.П. Шишмарёвой.

Конкурсные кредиторы и уполномоченные органы образуют еще один орган – комитет кредиторов, который «представляет законные интересы конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и осуществляет контроль за действиями арбитражного управляющего, а также реализует иные предоставленные собранием кредиторов полномочия» (ст. 17 Закона о банкротстве).

Арбитражный управляющий вправе обращаться в арбитражный суд с заявлениями и ходатайствами в случаях, предусмотренных Законом о банкротстве.

Разногласия арбитражного управляющего с должником или кредиторами разрешаются в ходе производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в специальной процедуре, регулируемой ст. 60 Закона о банкротстве, посвящённой рассмотрению ходатайств и жалоб в деле о банкротстве.

Анализируемое правомочие п. 1 ст. 20.3 Закона о банкротстве является отправной точкой регламентации права арбитражного управляющего обращаться в арбитражный суд с заявлениями и ходатайствами. Отдельные

формы такой реализации детализируются в целом ряде норм Закона о банкротстве, посвящённых отдельным процедурам: наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства.

Получение вознаграждения, предусмотренного Законом о банкротстве, также является правом арбитражного управляющего. Размер и порядок выплаты вознаграждения арбитражного управляющего установлен в ст. 20.6 Закона о банкротстве.

Осуществляя свою частную практику в деле о несостоятельности (банкротстве), арбитражные управляющие «не находятся в трудовых отношениях ни с арбитражным судом, ни с должником, ни с кредиторами, что создаёт необходимую основу его независимости, а вознаграждение, выплачиваемое им за счет должника, не является заработной платой, а является именно вознаграждением за выполнение публичных функций» [19, с. 107].

Арбитражный управляющий вправе привлекать для обеспечения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве на договорной основе иных лиц с оплатой их деятельности за счет средств должника.

Как указывается А.Ю. Новиковой и Э.М. Мусаевой, «в целях эффективного исполнения возложенных на арбитражного управляющего обязанностей, предполагающих обладание специальными знаниями и навыками, арбитражный управляющий наделён правомочием привлекать на договорной основе различных специалистов (реестродержателей, организаторов торгов, бухгалтеров, аудиторов, оценщиков, юристов и т.д.), с оплатой (по общему правилу) за счёт должника» [27, с. 10].

В числе обязательных требований, которые должны соблюдаться при реализации анализируемого правомочия, связанного с привлечением таких специалистов, как реестродержатель, аудитор, оценщик, организатор торгов, оператор электронной площадки, выступают:

их независимость – отсутствие заинтересованности данных лиц, критерии которой обозначены в ст. 19 Закона о банкротстве. При этом,

указанные критерии необходимо определять: по отношению к арбитражному управляющему, должнику и его кредиторам;

аккредитация СРО арбитражных управляющих.

Как отмечается отдельными авторами, «обращает на себя внимание факт, что данное требование отсутствия заинтересованности установлено исключительно в отношении обозначенных категорий субъектов, привлекаемых арбитражным управляющим, что позволяет сделать вывод о том, что в отношении иных субъектов (например, юристов, бухгалтеров, аналитиков, менеджеров, риелторов) соблюдение требования отсутствия заинтересованности не обязательно» [20, с. 203].

В контексте привлечения арбитражным управляющим лиц на договорной основе следует упомянуть один из базовых критериев, определяющих суть и содержание действий арбитражного управляющего в рамках реализации возложенного на него судом комплекса прав и обязанностей в деле о несостоятельности (банкротстве): «При проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества» (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве).

Дело в том, что вопрос обоснованности привлечения арбитражным управляющим подобных квалифицированных специалистов в деле о банкротстве, ставится Пленумом ВАС РФ в зависимости от критериев разумности и обоснованности в п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 г. № 91 [46]

Тем не менее, законодатель никак не раскрывает содержание данных категорий, что оставляет простор для толкований.

В Постановлении Верховного Суда РФ от 18.12.2015 г. № 308-АД15-15501 содержится следующий подход: «В отношении арбитражного управляющего принцип разумности означает соответствие его действий определенным стандартам, установленным, помимо законодательства о банкротстве, правилами профессиональной деятельности арбитражного

управляющего, утверждаемыми постановлениями Правительства Российской Федерации, либо стандартам, выработанным правоприменительной практикой в процессе реализации законодательства о банкротстве. Добросовестность действий арбитражного управляющего выражается в отсутствии умысла причинить вред кредиторам, должнику и обществу» [40].

С позиции Верховного Суда РФ, разумность выражается в следовании комплексу норм, регламентирующих осуществление профессиональной деятельности арбитражного управляющего, в то время как добросовестность действий определяется как не направленная на причинение вреда кредиторам, должнику и обществу.

Подход в определении разумности представляется верным и на его основе можно сформулировать следующее определение: разумность действий арбитражного управляющего – это рациональное следование в осуществлении возложенных обязанностей комплексу нормативных правил, регламентирующих осуществление профессиональной деятельности арбитражного управляющего.

Что же касается судебного толкования критерия добросовестности, то данное толкование видится чрезмерно узким.

«Добросовестный» же в широком смысле понимается как «честно выполняющий свои обязательства» [29, с. 145]. Как представляется, исходя из подобного толкования, можно выделить такую смежную категорию, характеризующую добросовестного индивида, как «ответственность».

По мнению А.А. Кравченко, «добросовестность отражает качественную характеристику и оценку деятельности арбитражного управляющего: совершил все необходимые и достаточные действия для достижения целей, поставленных перед ним правопорядком» [21, с. 263].

Сделать всё необходимое и достаточное для достижения поставленных целей – значит действовать ответственно, исходя из сути и назначения реализуемых полномочий.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение: добросовестность действий арбитражного управляющего – это честное, ответственное отношение к возложенным обязанностям, выражаемое в совершении необходимых и достаточных профессиональных действий, для достижения цели процедуры несостоятельности (банкротства).

Таким образом, разумность и добросовестность рассматриваются законодателем в качестве мерила адекватности принимаемых решений и предпринимаемых действий арбитражного управляющего.

В соответствии с обозначенными критериями, арбитражному управляющему надлежит привлекать соответствующего специалиста только тогда, когда это обосновано и по обоснованной цене оказываемой специалистом услуги. Также, по мнению Пленума ВАС РФ, при оценке обоснованности привлечения соответствующего специалиста, необходимо учесть: «возможно ли выполнение арбитражным управляющим самостоятельно тех функций, для которых привлекается привлеченное лицо, необходимы ли для выполнения таких функций специальные познания, имеющиеся у привлеченного лица, или достаточно познаний, имеющихся у управляющего, обладает ли привлеченное лицо необходимой квалификацией» (п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 г. № 91).

В случае, если в соответствии с Законом о банкротстве привлечение арбитражным управляющим иных лиц для исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве является обязательным, арбитражный управляющий обязан привлекать на договорной основе аккредитованных СРО арбитражных управляющих лиц с оплатой их деятельности в соответствии со статьей 20.7 Закона о банкротстве – отмеченное предусмотрено законодателем в п. 2 ст. 20.3 Закона о банкротстве уже не в ряду прав, а в ряду обязанностей арбитражного управляющего.

Арбитражный управляющий управомочен запрашивать необходимые сведения о должнике, о лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих лицах, о принадлежащем им имуществе (в том

числе имущественных правах), о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами РФ и органов местного самоуправления, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну.

Возможность запрашивать все необходимые для эффективной реализации возложенных на арбитражного управляющего полномочий в рамках производства о несостоятельности (банкротстве) является важным инструментом, позволяющим создать основу для реализации такой составляющей цели регулирования несостоятельности (банкротства), как справедливое соразмерное удовлетворение требований кредиторов.

Следует отметить, что для реализации анализируемой обязанности, арбитражный управляющий наделён правомочием, без каких-либо ограничений по объёму запрашиваемой информации, запрашивать у физических лиц, юридических лиц, государственных органов и органов местного самоуправления, необходимые сведения об имуществе должника, а также сведения об имущественных правах и обязательствах должника, что следует из правовой позиции, выраженной в Определении ВАС РФ от 06.06.2012 г. № ВАС-7243/12 [30].

Физические лица, юридические лица, государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органы местного самоуправления представляют запрошенные арбитражным управляющим сведения в течение семи дней со дня получения запроса на безвозмездной основе.

Арбитражный управляющий имеет предусмотренную законом возможность досрочно выйти из соответствующей процедуры несостоятельности (банкротства), будучи освобождённым судом от комплекса возложенных на него обязанностей в деле.

Отдельные специалисты полагают, что, несмотря на то, что «Закон не устанавливает обязанности обоснований причин подачи такого рода

заявлений, при этом предполагается, что причина должна быть уважительной» [20, с. 215].

В литературе говорят о том, что такого рода причинами могут быть признаны «болезнь, приводящая к стойкой нетрудоспособности, иные неблагоприятные обстоятельства личного характера, обстоятельства этического и профессионального характера» [19, с. 170].

Общие обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве, безотносительно конкретной процедуры несостоятельности, перечислены законодателем в п. 2 ст. 20.3 Закона о банкротстве. Рассмотрим более подробно отдельные обязанности, включённые в этот перечень.

Несмотря на то, что обязанность арбитражного управляющего разумно и обоснованно осуществлять расходы, связанные с исполнением возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, указана законодателем далеко не в ряду первых, уместно уделить ей первоочередное внимание, поскольку в силу своего содержания она является одной из руководящих и определяющих, в контексте реализации арбитражным управляющим своих полномочий в деле о банкротстве.

Деятельность арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве) осуществляется за счет средств должника, в этой связи законодатель совершенно оправданно определяет необходимость рациональной обоснованности инициируемых арбитражным управляющим расходов. Совершенно понятно, что возлагать на и так неплатёжеспособного должника, находящегося в сложной финансовой ситуации, дополнительное материальное обременение следует лишь в случае действительной необходимости. Обратное было бы абсурдным.

Об этом пишут многие специалисты, анализируя необходимость обоснования расходов арбитражного управляющего на те, или иные нужды, связанные с процедурой несостоятельности [86, с. 77].

Здесь законодатель в очередной раз, как и в анализируемом ранее п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве, обращается к категории «разумность»,

упоминая её наряду с категорией «обоснованность». Очевидно, что данные категории связаны, ведь обоснование расходов в деле о несостоятельности должно строиться на началах разумности – рациональном следовании в осуществлении возложенных обязанностей комплексу нормативных правил, регламентирующих осуществление профессиональной деятельности арбитражного управляющего.

Арбитражный управляющий обязан принимать меры по защите имущества должника. Данную обязанность, направленную на обеспечение сохранности имущества должника в публикациях называют «одной из главных обязанностей арбитражного управляющего» [15, с. 65].

Она органично переплетается с правом арбитражного управляющего обращаться в арбитражный суд с заявлениями и ходатайствами, с учётом того, что в соответствующих нормах Закона о банкротстве конкретизируется содержание таких ходатайств, как направленных на «принятие дополнительных мер по обеспечению сохранности имущества должника» (п. 1 ст. 66, п. 4 ст. 83 Закона о банкротстве).

Конкретные инструменты для реализации обозначенной обязанности арбитражный управляющий выбирает самостоятельно, ориентируясь на конкретную процедуру, действуя разумно и добросовестно.

Априори, реализуя свои полномочия, арбитражный управляющий делает всё необходимое для обеспечения сохранности имущества должника, если заявителем не доказано обратное. Так, «суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии достоверных доказательств, свидетельствующих о бездействии конкурсного управляющего по защите имущества должника, выразившихся в непринятии мер по сохранности имущества должника и мер, направленных на поиск, выявление и возврат имущества, недоказанности кредитором нарушений арбитражным управляющим требований Закона о банкротстве, что явилось основанием для отказа в удовлетворении жалобы» [31].

Арбитражный управляющий обязан анализировать финансовое состояние должника и результаты его финансовой, хозяйственной и инвестиционной деятельности.

Непосредственно и прямо данная обязанность закреплена за арбитражным управляющим, действующим в качестве временного управляющего в п. 1 ст. 67 Закона о банкротстве и это не случайно.

В процедуре наблюдения, как указывает Н.С. Кацян, «анализ финансового состояния должника необходимо проводить, чтобы кредиторы и суд получили объективную и полную информацию о финансовом состоянии должника, что, в свою очередь, необходимо для принятия решения о применяемой в отношении должника процедуре банкротства» [15, с. 67].

Однако, анализ правового статуса арбитражного управляющего в процедурах несостоятельности (банкротства) говорят о сквозном характере анализируемой обязанности.

Так, как верно подчёркивают специалисты, «административный управляющий в ходе финансового оздоровления обязан рассматривать отчеты о ходе выполнения графика погашения задолженности и плана финансового оздоровления (при наличии такого плана), представленные должником, и предоставлять собранию кредиторов заключения о ходе выполнения графика погашения задолженности и плана финансового оздоровления (п. 3 ст. 83 Закона). Выполнение данной обязанности предполагает проведение аналитической работы относительно финансового состояния должника и результатов его финансовой, хозяйственной деятельности в рамках финансового оздоровления. Составление плана внешнего управления, являющееся обязанностью внешнего управляющего в соответствии с п. 2 ст. 99 Закона, также невозможно без финансового состояния должника» [20, с. 231].

Порядку проведения арбитражным управляющим анализа финансового состояния должника посвящён отдельный нормативный документ: Правила

проведения арбитражным управляющим финансового анализа от 25.06.2003 г. № 367 [50].

Арбитражный управляющий должен вести реестр требований кредиторов, за исключением случаев, предусмотренных Законом о банкротстве, а также предоставлять реестр требований кредиторов лицам, требующим проведения общего собрания кредиторов, в течение трех дней с даты поступления требования в случаях, предусмотренных Законом о банкротстве.

Ведение реестра требований является обязанностью арбитражного управляющего на всех процедурах несостоятельности (банкротства), но лишь тогда, когда собранием кредиторов не принято решение о привлечении к ведению данного реестра реестродержателя, в соответствии с п. 2 ст. 16 Закона о банкротстве.

Порядок ведения реестра требований кредиторов арбитражными управляющими регламентирован Постановлением Правительства РФ от 09.07.2004 г. № 345 [51].

Законом о банкротстве на арбитражного управляющего возлагается обязанность в случае выявления признаков административных правонарушений и (или) преступлений сообщать о них в органы, к компетенции которых относятся возбуждение дел об административных правонарушениях и рассмотрение сообщений о преступлениях, что является одним из критериев публичности реализуемых арбитражным управляющим полномочий.

Кроме того, арбитражному управляющему надлежит выявлять признаки преднамеренного и фиктивного банкротства в порядке, установленном федеральными стандартами, и сообщать о них лицам, участвующим в деле о банкротстве, в СРО арбитражных управляющих, членом которой он является, собранию кредиторов и в органы, к компетенции которых относятся возбуждение дел об административных правонарушениях и рассмотрение сообщений о преступлениях.

Признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, как административного правонарушения, обозначены в ст. 14.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [18] (КоАП РФ)

Фиктивным банкротством является «заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином о своей несостоятельности» (ч. 1 ст. 14.12 КоАП РФ).

Преднамеренным банкротством является «совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» (ч. 2 ст. 14.12 КоАП РФ).

Если данные действия (бездействие) причиняют ущерб, превышающий 2250000 рублей (крупный размер), то речь уже идёт о совершении аналогичных по объективным и субъективным признакам преступных деяний, предусмотренных в ст. 196 и 197 Уголовного кодекса Российской Федерации [64] (УК РФ).

Арбитражным управляющим также могут быть выявлены в действиях участников производства о несостоятельности (банкротстве) – в первую очередь, гражданина-должника (включая индивидуального предпринимателя-должника), или руководителя должника (применительно к юридическому лицу-должнику), признаки неправомерных действий при банкротстве, обозначенные в ст. 14.13 КоАП РФ и ст. 195 УК РФ.

Такие действия могут выражаться в:

сокрытии имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере или месте нахождения

или иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях;

передаче имущества во владение иным лицам, отчуждении или уничтожении имущества;

сокрытии, уничтожении или фальсификации бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица либо индивидуального предпринимателя.

Противоправный характер такого рода деяний (как относительно административного правонарушения, так и относительно преступления) имеет место в том случае, когда они совершаются при наличии признаков банкротства, обозначенных в ст. 3 Закона о банкротстве.

Как и в отношении разграничения административного правонарушения и преступления, применительно к преднамеренному или фиктивному банкротству, критерий разграничения составов неправомерных действий при банкротстве идентичен – разграничивающим критерием выступает сумма причинённого ущерба.

Должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.12 и 14.13 КоАП РФ являются должностные лица Росреестра – федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю (надзору) за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.

Составы преступлений, предусмотренных ст. 195 – 197 УК РФ, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [63] (УПК РФ) относятся к подследственности следователей органов внутренних дел РФ.

Подчеркнём, что законодатель не ограничивает обязанность арбитражного управляющего сообщать о выявленных признаках административного правонарушения или преступления конкретными составами правонарушений или преступных деяний, а лишь отдельно уточняет такую обязанность, применительно к специальным составам в сфере

несостоятельности (банкротства), в связи с вероятностью их совершения в рамках инициированной процедуры несостоятельности, в которой арбитражный управляющий принимает участие.

По общему правилу, в соответствии с п. 3 ст. 20.3 Закона о банкротстве на арбитражного управляющего возлагается обязанность сохранять конфиденциальность сведений, охраняемых федеральным законом (в том числе сведений, составляющих служебную или коммерческую тайну) и ставших ему известными в связи с исполнением обязанностей арбитражного управляющего. То есть, на арбитражного управляющего, в связи с реализуемыми полномочиями в деле о банкротстве, распространяется режим конфиденциальности соответствующих сведений.

Определение понятия «конфиденциальность информации» содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [74].

В соответствии с нормативным определением, это «обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя» (п. 7 ст. 2).

В соответствии с ч. 2 ст. 9 указанного нормативного документа, «обязательным является соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами».

Существует целый комплекс федеральных законов, положения которых относят те, или иные сведения, к категории сведений ограниченного доступа:

Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» [13] – государственная тайна;

Федеральный закон от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [75] – коммерческая тайна;

Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [71] – банковская тайна и т.д.

Как уже было отмечено, перечень прав и обязанностей арбитражного управляющего, обозначенный в ст. 20.3 Закона о банкротстве, не является исчерпывающим. Он дополняется и детализируется, применительно к отдельным процедурам несостоятельности (банкротства), в целом ряде иных норм Закона о банкротстве.

2.2 Порядок прекращения полномочий, замена и отстранение арбитражного управляющего в деле о банкротстве

Участие арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве) является конечным и имеет определённую протяжённость во времени, ограниченную завершением процедуры, или же иными обстоятельствами, предопределяющими досрочное прекращение полномочий арбитражного управляющего.

Таким образом, прекращение полномочий арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве), для удобства анализа, можно условно подразделить на:

ординарное прекращение полномочий арбитражного управляющего (в связи с завершением соответствующей процедуры несостоятельности);

досрочное прекращение полномочий арбитражного управляющего (до окончания соответствующей процедуры несостоятельности).

В свою очередь, досрочное прекращение полномочий арбитражного управляющего подразделяется на несколько подкатегорий:

Прекращение полномочий по воле арбитражного управляющего (освобождение):

освобождение арбитражного управляющего от исполнения соответствующих обязанностей в деле о несостоятельности (банкротстве) по его заявлению (абз. 2 п. 4 ст. 65, абз. 2 п. 5 ст. 83, абз. 2 п. 1 ст. 97, абз. 2 п. 1 ст. 144 Закона о банкротстве).

Прекращение полномочий без учёта воли арбитражного управляющего (отстранение):

отстранение арбитражного управляющего по ходатайству СРО арбитражных управляющих в связи с выходом из её членов (ст. 20.5, абз. 3 п. 4 ст. 65, абз. 3 ст. 83, абз. 3 п. 1 ст. 97, абз. 3 п. 1 ст. 144 Закона о банкротстве);

отстранение арбитражного управляющего по специальным основаниям, связанным с наличием обстоятельств, препятствующих реализации статуса арбитражного управляющего в конкретном деле или в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей арбитражного управляющего (ст. 20.4, 83, 98, 145 Закона о банкротстве).

Основания, связанные с освобождением арбитражного управляющего от исполнения соответствующих обязанностей в деле о несостоятельности (банкротстве) по его заявлению, а также связанные с отстранением арбитражного управляющего по ходатайству СРО арбитражных управляющих в связи с выходом из её членов, по сути, продублированы законодателем в соответствующих статьях Закона о банкротстве применительно к каждому производству, предполагающему участие арбитражного управляющего в соответствующей роли.

Несмотря на то, что законодатель именует прекращение полномочий арбитражного управляющего по ходатайству СРО арбитражных управляющих «освобождением», концептуально это не совсем правильно, поскольку приводит к смешению различных по своей природе разновидностей прекращения полномочий – связанных с началами добровольности и имеющих принудительное содержание.

В этой связи, все предусмотренные Законом о банкротстве правовые ситуации, связанные с прекращением полномочий арбитражного управляющего, реализуемые не по его желанию и инициативе (помимо его воли), следует именовать «отстранением», с учётом того, что данная категория понимается как «то же, что уволить» [29, с. 413], т.е. «снять с работы, отстранить от обязанностей» [29, с. 714].

Соответственно, ситуации, связанные с прекращением полномочий, реализуемые на началах добровольного волеизъявления арбитражного управляющего, следует именовать «освобождение», с учётом понимания глагола «освободить», как «дать возможность не делать чего-нибудь, избавиться от чего-нибудь» [29, с. 395].

Подобное терминологическое разделение прекращения полномочий арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве) позволяет провести необходимую дифференциацию.

Основываясь на сказанном, основания для отстранения арбитражного управляющего можно подразделить на три условные группы:

отстранение по причине прекращения членства в СРО арбитражных управляющих;

отстранение в связи с наличием обстоятельств, препятствующих реализации статуса арбитражного управляющего в конкретном деле;

отстранение как мера ответственности в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей арбитражного управляющего, применяемая по инициативе лиц, участвующих в деле.

Отстранение в связи с прекращением членства в СРО арбитражных управляющих можно, в свою очередь, разделить на:

отстранение по ходатайству СРО арбитражных управляющих в связи с исключением лица из числа членов СРО арбитражных управляющих;

освобождение по ходатайству СРО в связи с выходом лица из состава членов СРО арбитражных управляющих.

Отстранение в связи с наличием обстоятельств, препятствующих реализации статуса арбитражного управляющего в конкретном деле, обуславливается:

наличием заинтересованности по отношению к лицам, участвующим в деле;

банкротством самого арбитражного управляющего;

дисквалификацией арбитражного управляющего или лишением его права занимать руководящую должность и (или) осуществлять профессиональную деятельность;

отсутствием заключенного договора страхования ответственности арбитражного управляющего;

невозмещением арбитражным управляющим убытков в других процедурах, применяемых в деле о банкротстве;

отсутствием допуска арбитражного управляющего к государственной тайне.

Отстранение как мера ответственности и одновременно мера защиты лиц, участвующих в деле о банкротстве, в зависимости от того, кто инициирует производство по вопросу об отстранении можно подразделить на:

отстранение по ходатайству собрания кредиторов,

отстранение по ходатайству комитета кредиторов,

отстранение в связи с удовлетворением жалобы лица, участвующего в деле,

отстранение в связи с удовлетворением жалобы лица, участвующего в арбитражном процессе по делу о банкротстве.

отстранение как мера ответственности (защиты) за ненадлежащее исполнение обязанностей по инициативе лиц, участвующих в деле.

Как указывает специалистом, «законодатель не обобщает в единую группу такие основания для отстранения арбитражного управляющего как ходатайство собрания или комитета кредиторов в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей управляющим и жалобу лица, участвующего в деле, на нарушение его прав и законных интересов ненадлежащим выполнением обязанностей управляющим. Между тем, правовая природа отстранения по подобным основаниям одна – последствия ненадлежащего исполнения обязанностей управляющим, затрагивающего права и интересы лиц, участвующих в деле» [22, с. 65].

В соответствии с п. 1 ст. 20.4 Закона о банкротстве, имеющей обобщающее содержание, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, возложенных на арбитражного управляющего в соответствии с настоящим Федеральным законом или федеральными стандартами, является основанием для отстранения арбитражным судом арбитражного управляющего от исполнения данных обязанностей по требованию лиц, участвующих в деле.

По аналогичной формулировке – в связи с удовлетворением арбитражным судом жалобы лица, участвующего в деле о банкротстве, на неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей, в соответствии с положениями ст. 65 Закона о банкротстве, временный управляющий может быть отстранён арбитражным судом от исполнения своих обязанностей.

В развитие положения п. 1 ст. 20.4 Закона о банкротстве, применительно к участию арбитражного управляющего в разных процедурах несостоятельности (банкротства) в качестве административного, внешнего, конкурсного и финансового управляющего, законодатель предусматривает наряду с отстранением в связи с удовлетворением жалобы конкретного лица, участвующего в деле, отстранение такого управляющего по ходатайству собрания кредиторов.

Интересно, что в части отстранения административного управляющего в п. 5 ст. 83 Закона о банкротстве законодатель указывает на отстранение «на основании» решения собрания кредиторов, в части же отстранения внешнего управляющего в п. 1 ст. 98 Закона о банкротстве говорится об отстранении на основании решения об обращении в суд с ходатайством об отстранении, а в части отстранения конкурсного управляющего в п. 1 ст. 145 Закона о банкротстве указывается на отстранение такого управляющего на основании ходатайства собрания кредиторов (комитета кредиторов). Отстранение же финансового управляющего происходит, как указывается в п. 12 ст. 213.9

Закона о банкротстве, в случаях и в порядке, которые предусмотрены ст. 83 Закона о банкротстве.

Такое терминологически-содержательное разночтение вызывает закономерный вопрос о том, каким образом в названных процедурах несостоятельности соотносятся воля собрания кредиторов и роль арбитражного суда, уполномоченного своим решением отстранить арбитражного управляющего, в различном процедурном качестве, от исполнения обязанностей?

В одних случаях, когда используется формулировка «на основании решения собрания кредиторов» (п. 5 ст. 83 Закона о банкротстве), создаётся впечатление, что главенствующей в данном вопросе является воля собрания кредиторов, а арбитражный суд лишь формально придаёт данному решению законную силу.

Но используемая в п. 1 ст. 98 Закона о банкротстве формулировка «на основании решения собрания кредиторов об обращении в арбитражный суд с ходатайством» уже создаёт иное впечатление – собрание кредиторов лишь ходатайствует, а арбитражный суд правомочен вынести решение об отстранении арбитражного управляющего.

Как верно указывается по данному вопросу в отдельных научных публикациях, «нет чётких доводов к тому, чтобы распределение ролей между собранием кредиторов и судом в вопросах отстранения арбитражных управляющих было разным в зависимости от применяемой процедуры банкротства. В связи с этим модель взаимоотношений между собранием кредиторов, решившим положительно вопрос об отстранении, и судом должна быть одинаковой» [16, с. 280].

Определённо, в подобных случаях, регламентируя содержательно сходные между собой вопросы, применительно к различным процедурам, законодателю следует быть максимально последовательным и дублировать соответствующие нормативные положения буквально, чтобы избежать

всевозможных разночтений, которые, как правило, приводят к ошибочным толкованиям.

Отвечающим соотношению роли собрания кредиторов и роли суда будет являться оборот «на основании решения собрания кредиторов об обращении в арбитражный суд с ходатайством».

Таким образом, несмотря на терминологические различия, основание для отстранения административного, внешнего, конкурсного и финансового управляющего одно – ходатайство собрания кредиторов при ключевой роли суда в разрешении вопроса об отстранении.

Примечательно, что единственная, предполагаемая Законом о банкротстве, мотивация собрания кредиторов для обращения в суд с ходатайством об отстранении арбитражного управляющего в процедурном качестве административного, внешнего, конкурсного или финансового управляющего – это неисполнение или ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим своих профессиональных обязанностей в деле о банкротстве.

Применительно к отстранению временного управляющего, в качестве основания для его отстранения по жалобе лица, участвующего в деле, законодатель говорит не о любом неисполнении, или ненадлежащем исполнении обязанностей, а лишь о таком, которое «повлекло или могло повлечь за собой убытки должника или его кредиторов» (абз. 2 п. 3 ст. 65 Закона о банкротстве).

Исключительным полномочием отстранить арбитражного управляющего (в любом процедурном качестве) от дальнейшего исполнения обязанностей в процедуре несостоятельности (банкротства) обладает лишь суд.

Представление о том, что «собрание кредиторов вольно прекращать полномочия управляющего в любой момент по собственному разумению в корне ошибочно» [2, с. 147], указывают отдельные авторы, разрабатывающие соответствующую проблематику.

Соответственно, «собрание кредиторов, обращаясь с ходатайством об отстранении управляющего, реализует не право на прекращение полномочий «назначенного» им лица, а обращается за защитой своих прав им нарушаемых» [2, с. 148].

В случае освобождения или отстранения арбитражным судом арбитражного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве вознаграждение ему не выплачивается с даты его освобождения или отстранения, как указывается в п. 4 ст. 20.6 Закона о банкротстве.

Соответственно, после того, как арбитражный управляющий освобождён, или отстранён от своих обязанностей арбитражным судом, в деле о несостоятельности (банкротстве) суд утверждает нового арбитражного управляющего (в соответствующем процедурном качестве) по правилам Закона о банкротстве, регламентирующим первичное утверждение арбитражного управляющего в деле.

В заключении второй главы исследования сформулируем следующие выводы.

Относительно прав и обязанностей арбитражного управляющего, следует отметить, что ст. 20.3 Закона о банкротстве содержит их базовый комплекс, сформулированный безотносительно конкретных процедур несостоятельности (банкротства), в которых арбитражный управляющий может принимать участие в соответствующем процедурном качестве.

Дополнительный объём правомочий, ориентированный на арбитражного управляющего, принимающего участие в процедурах несостоятельности в различных профессиональных ролях, регламентируется законодателем дополнительно, в соответствующих статьях Закона о банкротстве. Дополнительный объём правомочий представляет собой уточнение общих прав и обязанностей арбитражного управляющего, применительно к специфике соответствующей процедуры.

В контексте реализации прав и обязанностей арбитражного управляющего, нуждаются в анализе две базовые характеристики действий арбитражного управляющего при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве: «разумность» и «добросовестность».

Законодатель, к сожалению, никак не раскрывает содержание данных категорий, что оставляет простор для толкований.

На основе анализа научных позиций, а также позиции, обозначенной в судебной практике, можно сформулировать следующее определение вышеназванных категорий: разумность действий арбитражного управляющего – это следование в осуществлении возложенных обязанностей комплексу нормативных правил, регламентирующих осуществление профессиональной деятельности арбитражного управляющего.

Добросовестность действий арбитражного управляющего – это честное, ответственное отношение к возложенным обязанностям, выражаемое в совершении необходимых и достаточных профессиональных действий, для достижения цели процедуры несостоятельности (банкротства).

Таким образом, разумность и добросовестность рассматриваются законодателем в качестве мерила адекватности принимаемых решений и предпринимаемых действий арбитражного управляющего.

Прекращение полномочий арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве), для удобства анализа, можно условно подразделить на:

ординарное прекращение полномочий арбитражного управляющего (в связи с завершением соответствующей процедуры несостоятельности);

досрочное прекращение полномочий арбитражного управляющего (до окончания соответствующей процедуры несостоятельности).

В свою очередь, досрочное прекращение полномочий арбитражного управляющего подразделяется на несколько подкатегорий:

прекращение полномочий по воле арбитражного управляющего (освобождение);

прекращение полномочий без учёта воли арбитражного управляющего (отстранение).

Регламентируя отстранение арбитражного управляющего в различном процедурном качестве, законодатель, к сожалению, использует отличные друг от друга формулировки оснований отстранения, что создаёт терминологические разночтения.

Определённо, в подобных случаях, регламентируя содержательно сходные между собой вопросы, применительно к различным процедурам, законодателью следует быть последовательным и дублировать соответствующие нормативные положения, избегая разночтений, приводящих не ошибочным толкованиям.

Исключительным полномочием отстранить арбитражного управляющего (в любом процедурном качестве) от дальнейшего исполнения обязанностей в процедуре несостоятельности (банкротства) обладает лишь суд.

Глава 3 Актуальные вопросы ответственности арбитражного управляющего

3.1 Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего

Вопрос ответственности арбитражного управляющего является неотъемлемой составляющей его правового статуса. Без его анализа положение данного субъекта было бы неполным.

Как верно отмечает в своей работе Т.В. Ускова, «большой объем полномочий требует разнообразных форм контроля за деятельностью субъекта и выработки механизмов воздействия на него при нарушении им своих обязанностей и невыполнении установленных законом функций» [66, с. 38].

Законодатель предусматривает комплекс мер, направленных на обеспечение добросовестности арбитражного управляющего, применительно к реализуемым профессиональным обязанностям.

Ответственности арбитражного управляющего посвящена отдельная норма – ст. 20.4 Закона о банкротстве. В п. 4 данной нормы в качестве меры ответственности упомянута обязанность арбитражного управляющего возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены им в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. То есть, в указанной норме речь идёт о возможности привлечения арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности.

Основания и условия гражданско-правовой ответственности вследствие причинения вреда регулируются гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации [9] (ГК РФ).

В отечественном гражданском праве, как отмечается специалистами, «используется генеральный деликт, предусматривающий ответственность за

вред, причиненный противоправными действиями личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица (п. 1 ст. 1064 ГК РФ). Поскольку ГК РФ не содержит сингулярного деликта для арбитражного управляющего, постольку следует применять ст. 1064 ГК РФ» [84, с. 89].

В качестве основания гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, с учётом положений Закона о банкротстве, следует считать причинение арбитражным управляющим имущественного вреда должнику, кредиторам, или иным лицам в процессе осуществления профессиональной деятельности в деле о банкротстве.

Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего наступает в универсальной форме гражданско-правовой ответственности – в форме возмещения убытков.

В соответствии с Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.12.2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [45], наступление ответственности арбитражного управляющего возможно только тогда, когда убытки причинены «его неправомерными действиями» (п. 48 Постановления).

Судебное толкование содержания категории «убытки», применительно к гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, даётся в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 г. № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» [14]: «Под убытками, причиненными должнику, а также его кредиторам, понимается любое уменьшение или утрата возможности увеличения конкурсной массы, которые произошли вследствие неправомерных действий (бездействия) конкурсного управляющего» (п. 11 Обзора).

При этом, возмещению подлежит и реальный ущерб, и упущенная выгода, следуя принципу полного возмещения убытков.

Размер причинённых убытков, о которых идёт речь, определяется по правилам ст. 15 ГК РФ, посвящённой возмещению убытков. Однако, следует учитывать, что нормы ГК РФ применяются с учетом специальных положений Закона о банкротстве, обладающего приоритетным значением.

Споры же, связанные с профессиональной деятельностью арбитражных управляющих, в том числе о возмещении ими убытков, подведомственны арбитражным судам, как следует из п. 12 ст. 20 Закона о банкротстве.

Как разъяснено в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [48], по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действия (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Также следует принять во внимание позицию, выраженную Высшим Арбитражным Судом РФ в Постановлении Пленума от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [47].

Как верно подчёркивается специалистами, «бремя доказывания факта противоправного поведения, наличия и размера понесенных убытков, причинной связи между нарушенным правом и возникшими убытками возлагается на должника, кредитора, или иных лиц, которые требуют соответствующее возмещение. Отсутствие одного из вышеназванных элементов влечет за собой отказ в удовлетворении требования о возмещении убытков» [85, с. 45].

Другими словами, для взыскания убытков, в соответствии с положениями ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1] (АПК РФ), в доказывании нуждается весь приведённый фактический состав.

Сказанное находит своё подтверждение в судебной практике, связанной с привлечением арбитражных управляющих к гражданско-правовой ответственности. В частности, в одном из проанализированных решений, Судебной коллегией Верховного Суда РФ акцентировано внимание на порядке распределения бремени доказывания: заявитель, требующий взыскания убытков с арбитражного управляющего, должен доказать противоправность его поведения, факт возникновения убытков, а также причинно-следственную связь между поведением управляющего и наступившими негативными последствиями на стороне должника и кредиторов [32].

Ординарной является ситуация, связанная с взысканием с арбитражного управляющего, привлечённого к гражданско-правовой ответственности, убытков в виде реального ущерба. Как отмечается отдельными авторами, часто такая ответственность возникает в случаях, когда «управляющий может не обеспечить сохранность имущества должника, либо нарушить очередность удовлетворения требований кредиторов, в результате чего, кто-либо из кредиторов оказался лишен причитающийся ему суммы денежных средств» [59, с. 117].

Однако, вопрос, связанный с возмещением со стороны арбитражного, привлечённого к гражданско-правовой ответственности упущенной выгоды в пользу должника, кредитора, или иного лица, не является простым и однозначным, с точки зрения практической достижимости.

К возможности возмещения упущенной выгоды при привлечении к гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, отдельные исследователи относятся скептически. В частности, Е.В. Мурашкина полагает, что «говорить о возмещении должнику, кредиторам и третьим лицам упущенной выгоды не имеет смысла. Возмещение упущенной выгоды – неполученных доходов, характерно для нормального хозяйственного оборота, тогда как в конкурсных отношениях стороны ставят перед собой задачу не извлечь доход (что вряд ли возможно),

а сохранить либо возвратить принадлежащее (принадлежавшее) имущество» [25, с. 15].

Тем не менее, законодательная возможность получения такого возмещения есть, хотя определение размера упущенной выгоды представляет известную сложность, «поскольку речь идет о её гипотетическом расчете, экономическом моделировании в условиях, хотя и ожидаемого, но так и не состоявшегося события» [8, с. 55].

Созвучная позиция выражается и другими специалистами: «каждый расчет упущенной выгоды – это построение индивидуальной финансовой модели ситуации. Следует принять, что расчет упущенной выгоды, по своей сути, всегда имеет в некоторой степени гипотетический (вероятностный) характер и включает возможные обстоятельства будущего» [24, с. 166].

Кроме того, вопрос доказывания наличия убытков в виде упущенной выгоды на практике может представлять сложности. В этой связи, арбитражные суды не редко отказывают во взыскании упущенной выгоды.

Например, при установлении незаконности действий конкурсного управляющего по сдаче в аренду имущества должника по заниженной цене, судом кассационной инстанции сделан вывод о том, «суды обоснованно отклонили довод кредитора о передаче имущества должника арендатором в аренду на более выгодных условиях, указав на отсутствие доказательств наличия реальной возможности сдать имущество в аренду по более выгодной цене, а также на реальность поступления денежных средств в конкурсную массу должника от сдачи аренды имущества» [39] – на этом основании кассационная жалоба была оставлена без удовлетворения.

Однако, в ряде правовых ситуаций, арбитражными судами признаётся обоснованность требования о взыскании с арбитражных управляющих убытков в виде упущенной выгоды.

Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.01.2017 г. по делу № А66-13884/2013 констатируется обоснованность вывода судов первой и апелляционной инстанции о наличии причинения

должнику убытков в виде упущенной выгоды в связи с тем, что арбитражный управляющий передал автомобиль должника на ответственное хранение, в то время как «сдача автомобиля в аренду позволила бы получить дополнительные денежные средства. Определяя размер убытков, суды приняли во внимание представленные заявителем сведения из открытых источников (сети Интернет) о размере арендной платы при аренде аналогичного имущества, сложившейся в месте нахождения должника» [38].

Таким образом, несмотря на некоторые сложности доказывания наличия ущерба в виде упущенной выгоды, а также сложности в определении его размера, взыскание ущерба такого рода с арбитражного управляющего, привлекаемого к гражданско-правовой ответственности, возможно.

Достаточный интерес представляет позиция высшей судебной инстанции по вопросу определения размера ущерба, причинённого противоправными действиями арбитражного управляющего, прозвучавшая в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»: если размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности, «размер подлежащих возмещению убытков, включая упущенную выгоду, определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства» [49] (п. 4 Постановления).

Данная позиция была вновь озвучена при рассмотрении кассационной жалобы в связи с привлечением к гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих [33].

Таким образом, в судебной практике создаются дополнительные возможности для возмещения убытков, причинённых незаконными действиями арбитражного управляющего в тех ситуациях, когда точное установление размера таких убытков затруднительно.

Представляется актуальным вопрос о возможности фактического взыскания убытков, причинённых незаконными действиями арбитражного управляющего – исполнения соответствующего решения арбитражного суда.

В нормах Закона о банкротстве законодателем созданы предпосылки для обеспечения возможности взыскания с арбитражного управляющего суммы причинённого ущерба, с учётом того, что в ряду требований, связанных с членством в СРО арбитражных управляющих, обозначены: необходимость обязательного страхования ответственности, а также внесение членом СРО установленных ею взносов, в том числе взносов в компенсационный фонд саморегулируемой организации (п. 3 ст. 20 Закона о банкротстве).

Таким образом, как пишет А.Э. Чупракова, возмещение вреда осуществляется: за счет имущества самого арбитражного управляющего (он несёт ответственность всем своим имуществом), за счет имущества страховщика, с учётом обязательного страхования ответственность арбитражного управляющего, а также за счет средств компенсационного фонда, формируемого СРО арбитражных управляющих [81, с. 436].

При наступлении страхового случая в соответствии с п. 5 ст. 24.1 Закона о банкротстве страховщик по общему правилу обязан произвести страховую выплату в пользу выгодоприобретателей (минимальный размер страховой суммы составляет десять миллионов рублей в год).

При этом, страховщик защищён законодателем от умышленного поведения страхователя, повлекшего ответственность перед выгодоприобретателями, посредством возможности последующего предъявления регрессного требования страхователю – арбитражному управляющему (п. 9 ст. 24.1 Закона о банкротстве).

Критерием, который обуславливает возможность вышеназванного регрессного требования является умышленный характер действий арбитражного управляющего, их заведомая направленность на извлечение собственной выгоды.

Данные критерии требуют доказывания – в противном случае арбитражный суд откажет страховщику во взыскании в порядке регресса.

Так с арбитражного управляющего в порядке регресса была взыскана сумма в размере страхового возмещения, которое выплатил страховщик. Однако, Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила судебные акты на том основании, что вопреки выводам судов сам факт нарушения положений закона без подтверждения заведомой противоправности совершенных действий является недостаточным для удовлетворения регрессного требования страхового общества.

При этом, справедливо отмечено: «удовлетворение регрессного иска в отсутствие доказанных для регресса условий приводит к тому, что обязательное в силу закона страхование ответственности арбитражных управляющих утрачивает свои функции и становится нереализуемым» [34].

Еще одним важным источником возмещения убытков, причиненных незаконными действиями арбитражного управляющего, является компенсационный фонд СРО, членом которой он является.

Он создаётся «для осуществления компенсационных выплат в связи с возмещением убытков, причиненных лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве» (п. 1 ст. 25.1 Закона о банкротстве).

Размер выплаты, производимой за счёт средств компенсационного фонда, применительно к одному случаю причинения убытков, не может превышать 50% размера компенсационного фонда СРО, при требовании, предъявляемом законодателем к минимальному размеру компенсационного фонда – таковой не может быть меньше, чем пятьдесят миллионов рублей.

Как отмечается специалистами, «требование о компенсационной выплате из компенсационного фонда может быть предъявлено лицом, в пользу которого принято решение о взыскании убытков, только при одновременном наличии следующих условий: а) недостаточность средств, полученных по

договору обязательного страхования ответственности арбитражного управляющего, для возмещения причиненных им убытков; б) отказ арбитражного управляющего удовлетворить требование такого лица или неудовлетворение арбитражным управляющим этого требования в течение 30 рабочих дней с даты предъявления этого требования» [4, с. 212].

Как свидетельствуют актуальные статистические данные, размер взыскиваемых с арбитражных управляющих убытков остаётся из года в год достаточно стабильным – около 1 млрд. рублей, однако, в 2022 г. сумма взысканий составила 1,7 млрд. рублей, что на 600 млн. рублей больше показателя 2021 г. [60]

Как полагают отдельные авторы, «в настоящее время сам механизм гражданско-правовой ответственности в большей степени ориентирован на привлечение к ответственности самого арбитражного управляющего, а не возмещение причиненного вреда заинтересованным лицам» [85, с. 45]. При этом, в качестве решения проблемы, как отмечается в публикации, «видится целесообразным помимо компенсационного фонда формирование на основе членских взносов арбитражных управляющих дополнительных резервных фондов, за счет которых было бы возможным возмещение причиненных управляющими убытков» [85, с. 45].

Тем не менее, данный вывод видится поспешным – существующий механизм приобретения статуса арбитражного управляющего уже содержит элементы обеспечения возможности возмещения вреда, который может быть причинён его незаконными действиями в деле о несостоятельности (банкротстве).

Целесообразность создания дополнительного фонда из средств, вносимых арбитражными управляющими, вызывает обоснованные сомнения – в чём тогда разница между дополнительным резервным фондом и компенсационным фондом, при единстве их задач, что следует из обозначенного авторского предложения?

Возможности совершенствования существующих гарантий выплаты возмещения ущерба, причинённого арбитражным управляющим должнику, кредиторам, или иным лицам, могут заключаться разве что в увеличении минимального размера компенсационного фонда СРО арбитражных управляющих, а также увеличении взносов арбитражных управляющих в данный фонд. Однако, для такого рода решений на законодательном уровне, необходим предварительный подробный анализ статистики выплат из средств компенсационных фондов. Если в действительности существующие размеры компенсационных фондов СРО арбитражных управляющих с поставленной задачей справляются, то нет оснований для их увеличения, а также увеличения взносов арбитражных управляющих в данный фонд, учитывая, что в настоящее время размеры взносов являются весьма существенными в масштабах дохода конкретного гражданина.

Как представляется, существующий механизм обеспечения возможности возместить убытки, причинённые арбитражным управляющим в процессе реализации профессиональных обязанностей, является действенным, поскольку включает в себя несколько обособленных составляющих: возможность выплаты со стороны самого арбитражного управляющего; возможность выплаты из средств страхового возмещения; возможность выплаты из средств компенсационного фонда СРО арбитражных управляющих.

Таким образом, действующий механизм привлечения арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности и возмещения причинённого им ущерба, является, с одной стороны, важным превентивным средством, направленным на предупреждение совершения арбитражным управляющим недобросовестных, незаконных действий, а с другой стороны – эффективным способом получения пострадавшей стороной непосредственного возмещения ущерба, с учётом проработки законодателем соответствующих гарантий такого возмещения.

3.2 Административная и дисциплинарная ответственность арбитражного управляющего

КоАП РФ предусматривает возможность привлечения арбитражного управляющего, в качестве одного из специальных субъектов, указанных в ст. 14.13 КоАП РФ, к административной ответственности за совершение неправомерных действий при банкротстве, а именно: неисполнение обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния (ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ), а также за повторное совершение вышеназванного правонарушения (ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ).

Санкция ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ предусматривает применение в отношении арбитражного управляющего наказания в виде предупреждения или наложение административного штрафа в размере от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Санкция, введённой в КоАП РФ Федеральным законом от 29.12.2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [76] ч. 3.1 ст. 14.13 предусматривает возможность применения в отношении арбитражного управляющего лишь одного административного наказания – дисквалификации.

Вопросы привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности продолжает вызывать интерес, что обуславливается, с одной стороны, законодательными изменениями, имеющими направленность на дальнейшую формализацию процедур несостоятельности (банкротства) с повышением ответственности арбитражных управляющих, а с другой – заинтересованностью ряда участников процедур банкротства (в первую очередь кредиторов) в использовании административной ответственности, как инструмента воздействия на арбитражного управляющего, принимающего участие в конкретной процедуре.

Не секрет, что недобросовестные кредиторы активно используют возможности, связанные с инициацией привлечения арбитражного управляющего к ответственности в целях его склонения к определённым – желательным для кредиторов решениям, или же устранения из производства «неудобного» арбитражного управляющего через привлечение такового к административной ответственности, о чём пишут в отдельных научных публикациях [82, с. 248].

При этом, предпринятое законодателем в 2015 г. дополнение в ст. 14.13 КоАП РФ в виде новой ч. 3.1, направленное на обеспечение разумного и добросовестного исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей, оказалось не вполне продуманным, что и обусловило обоснованную критику со стороны учёных и практиков.

Ст. 14.13 КоАП РФ сформулирована отсылочным образом – то есть, имея бланкетный характер, она не содержит в себе конкретное описание объективной стороны правонарушения, а отсылает правоприменителя к нормам законодательства о несостоятельности (банкротстве).

Как верно в этой связи отмечает А.В. Винницкий, «избегая прямого описания противоправного деяния (объективной стороны состава правонарушения), правотворческий орган по сути идет по пути наименьшего сопротивления. Однако такой подход становится неприемлем при существенном разрастании и усложнении системы регулятивных норм, к которым отсылает конкретный состав административного правонарушения» [6, с. 13].

Более того, законодательство о банкротстве включает в себя не только положения Закона о банкротстве, но и иные нормативно-правовые акты, включая ведомственные, что, по сути, позволяет органам исполнительной власти в текстах подзаконных нормативных документов «корректировать и дополнять» административную противоправность, содержательно наполняя тем самым объективную сторону состава конкретного административного правонарушения – в данном случае, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ.

Относительно регулирования правового положения арбитражного управляющего в производстве, связанном с несостоятельностью (банкротством), многие вопросы такого регулирования находят своё отражение именно на уровне множества подзаконных актов.

Кроме того, отсутствие должной конкретизации, позволяет считать административно-наказуемым в рамках анализируемого состава административного правонарушения фактически любое формальное нарушение обязанностей, допущенное арбитражным управляющим, участвующим в деле о банкротстве.

Как указывается специалистами, «на практике арбитражные управляющие привлекаются судом к ответственности за неисполнение обязанностей, связанных с информированием кредиторов о ходе конкурсного производства в отношении должника, нарушением порядка уведомления кредиторов о предстоящих собраниях, ненадлежащим управлением юридическим лицом и т.д.» [22, с. 65]

Но потенциал применения ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ неопределённо широк – нарушение любого формального требования, закреплённого в законодательстве о банкротстве правоприменитель может счесть административным правонарушением.

В этой связи, сложно не согласиться с позицией судьи Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотова, выраженной в особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»: «одно дело, когда совершение правонарушения зависит исключительно от лица, преступающего закон, и другое дело, когда в той или иной сфере правового регулирования крайне трудно не нарушить какое-либо предписание, даже действуя предельно разумно и ответственно» [43].

При этом, арбитражный управляющий, привлечённый к административной ответственности по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, в случае повторного нарушения какого-либо формального требования, регламентирующего его деятельность, привлекается к административной ответственности уже по ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, которая, как уже было отмечено, безальтернативно предусматривает для арбитражного управляющего лишь одно административное наказание – дисквалификацию, т.е. фактический запрет на профессиональную деятельность.

Соответственно, «под дисквалификацию могут попасть арбитражные управляющие за незначительные нарушения, не затрагивающие права кредиторов и не причиняющие им убытки» [66, с. 39] – пишет Т.В. Ускова.

Данным обстоятельством, злоупотребляя предоставленным правом, могут пользоваться лица, участвующие в процедуре несостоятельности (банкротства), направляя многочисленные жалобы на действия (бездействие) арбитражного управляющего с чёткой целью – добиться его повторного привлечения к административной ответственности по ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ с последующей дисквалификацией.

Как представляется, дисквалификация арбитражного управляющего уместна лишь в связи с совершением грубых и систематических нарушений, а также нарушений, повлекших причинение убытков.

В науке в этой связи высказываются предложения о необходимости включения в санкцию ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ альтернативы дисквалификации – например, в виде административного штрафа, что вполне может способствовать большей индивидуализации наказания.

Ведь, как совершенно справедливо указывается специалистами, «арбитражный судья при определении наказания обязан учитывать все обстоятельства, имеющие отношение к установлению тяжести вины арбитражного управляющего, опираться на демократические принципы права, развитое правосознание и жизненный опыт» [79, с. 27].

Так насколько целесообразным является применение к арбитражному управляющему столь строгого административного наказания за совершение правонарушения, с настолько размытыми границами, что в его содержание даже могут быть включены деяния, не обладающие признаком общественной вредности, но формально подпадающие под диспозицию ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ? Ответ вполне очевиден.

Как верно указывает А.В. Винницкий, «очевидно, что не всякое нарушение должно влечь ответственность. Отделять общественно вредные нарушения от прочих деяний должен именно законодатель, но это требует прямого описания противоправного деяния в статье Особенной части КоАП, в первую очередь в тех случаях, когда речь идет об обширной системе регулятивных требований разной степени важности (как это имеет место применительно к частям 3 и 3.1 статьи 14.13 КоАП)» [6, с. 14].

Таким образом, бланкетность конструкции ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ следует считать её существенным недостатком.

Действующая редакция ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, в силу отмеченных особенностей, не дифференцирует правонарушения и наказания за них, что, как справедливо отмечается в науке, «приводит к неоднородности и противоречивости практики. Это, в свою очередь, не позволяет должным образом соблюсти принципы соразмерности, дифференциации и персонификации ответственности за совершенные правонарушения. Бланкетный характер обсуждаемых норм позволяет применять одни и те же санкции за нарушения совершенно разной степени общественной вредности» [6, с. 14].

В частности, ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ не дифференцирует несвоевременное опубликование в ЕФРСБ сведений о поступлении требования конкурсного кредитора в деле о банкротстве и распределение конкурсной массы должника с нарушением установленной очередности, что влечёт возможность применения за деяния, различные по степени общественной вредности, одинаковые административные наказания.

Данная ситуация нуждается в корректировке, как минимум, на уровне правоприменительной практики – в частности, на уровне деятельности органа по контролю (надзору) в лице Росреестра, к числу полномочий которого, в соответствии с п. 3 ст. 29 Закона о банкротстве, отнесено возбуждение дела об административном правонарушении в отношении арбитражного управляющего. Также должностные лица Росреестра вправе составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.13 КоАП РФ, что позволяет считать деятельность органа по контролю (надзору) важным элементом предупреждения правонарушений в сфере антикризисного управления.

Соответственно, именно Росреестр способен, критически оценив соответствующий материал, прийти к выводу о том, что допущенное арбитражным управляющим нарушение не повлекло за собой вредных последствий, убытков для должника или кредиторов либо нарушения прав кредиторов, и избежать возбуждения заведомо безосновательного производства по делу об административном правонарушении.

При этом, Росреестр самостоятельно применить ст. 2.9 КоАП РФ, предусматривающей возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения не может – прибегнуть к освобождению арбитражного управляющего от административной ответственности на основании положений ст. 2.9 КоАП РФ с объявлением устного замечания, правомочен суд. К такому выводу приходят отдельные авторы [83, с. 55].

Но такой способ корректировки несовершенства нормативного регулирования видится ущербным, поскольку состоит в «перекладывании» на правоприменителя проблем, связанных с нормативной регламентацией. В этой связи проблема нуждается в решении на нормативно-правовом уровне, посредством внесения изменений в административно-правовую норму.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодателю следует отказаться от бланкетной конструкции, применительно к ч. 3 ст. 14.13 КоАП

РФ, определив непосредственно в административно-правовой норме объективные признаки данного правонарушения.

Кроме того, санкция ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ видится чрезмерно суровой. Отсутствие альтернативы дисквалификации, с одной стороны, не позволяет суду должным образом дифференцировать ответственность арбитражного управляющего, с учётом конкретных особенностей совершённого им правонарушения, а с другой стороны, создаёт предпосылки для злоупотреблений, связанных с жалобами на действия арбитражного управляющего с целью его повторного привлечения по формальным критериям к административной ответственности и дисквалификации.

В этой связи, видится необходимым закрепление в санкции ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, наряду с дисквалификацией, иного административного наказания – например штрафа.

Подобные нормативные корректировки будут способствовать совершенствованию регулирования административной ответственности арбитражных управляющих и создадут основу для формирования более последовательной и единообразной судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ.

Помимо административной ответственности, арбитражный управляющий может быть привлечён к дисциплинарной ответственности, будучи членом СРО арбитражных управляющих, в соответствии с требованием обязательного членства.

В этой связи, контрольную, по отношению к арбитражному управляющему, роль СРО арбитражных управляющих сложно переоценить в контексте предупреждения совершения разного рода нарушений со стороны арбитражного управляющего, как члена СРО.

Как следует из положений Закона о банкротстве, «орган по рассмотрению дел о применении в отношении членов СРО арбитражных

управляющих мер дисциплинарного воздействия, вправе принять решение о применении следующих мер дисциплинарного воздействия:

вынесение предписания, обязывающего члена саморегулируемой организации устранить выявленные нарушения и устанавливающего сроки их устранения;

вынесение члену саморегулируемой организации предупреждения с оповещением об этом публично;

наложение на члена саморегулируемой организации штрафа в размере, установленном внутренними документами саморегулируемой организации;

рекомендация об исключении лица из членов саморегулируемой организации, подлежащая рассмотрению и утверждению коллегиальным органом управления;

иные установленные внутренними документами саморегулируемой организации меры» (п. 13 ст. 21.1 Закона о банкротстве).

Таким образом, перечень, предусмотренных Законом о банкротстве мер дисциплинарного воздействия, применимых к арбитражному управляющему, является открытым и может быть дополнен самими СРО арбитражных управляющих и обозначен в соответствующих внутренних документах.

К числу таких мер, выходящих за пределы, обозначенных в Законе о банкротстве, могут быть отнесены:

«ходатайство об отстранении члена СРО от участия в деле о банкротстве, требование-рекомендация о непредставлении в арбитражный суд информации о соответствии члена СРО требованиям, предусмотренным Федеральным законом о несостоятельности (банкротстве)» [11];

«наложение на члена СРО обязанности внести дополнительный целевой взнос, возмещение неустойки, образовавшейся в связи с сокрытием дополнительных членских взносов от сумм процентов в деле о банкротстве» [36];

«вынесение рекомендации о приостановлении представления кандидатуры члена СРО в арбитражный суд для утверждения в качестве

арбитражного управляющего в деле о банкротстве (ограничение профессиональной деятельности члена СРО)» [37] и т.д.

Отдельные авторы полагают, что «следовало бы ограничить ассортимент видов дисциплинарного взыскания и иных мер дисциплинарного воздействия, если не до минимума аналогичного трудовому законодательству, то хотя бы до некоторого универсального перечня» [66, с. 40].

Тем не менее, вряд ли создание такого рода ограничения необходимо. Представляется более правильным нормативное определение минимально-необходимого перечня таких мер с предоставлением возможности самой СРО арбитражных управляющих, по мере необходимости, дополнить его, реализуя тем самым своё диспозитивное право, основанное на самоуправлении. В свою очередь, лицо, желающее получить статус арбитражного управляющего, вправе выбирать ту саморегулируемую организацию, в которой условия работы будут наиболее приемлемыми и комфортными, в том числе, основывая свой выбор на возможность применения к нему в дальнейшем конкретных мер дисциплинарного воздействия в конкретном СРО арбитражных управляющих.

Наиболее суровой мерой дисциплинарной ответственности, без сомнений, выступает исключение арбитражного управляющего из СРО арбитражных управляющих.

Следует отметить, что данная мера дисциплинарной ответственности, имеет серьезные последствия для лица, поскольку создаёт препятствие для дальнейшего осуществления профессиональной деятельности в статусе арбитражного управляющего, сопоставимые с дисквалификацией, как видом административного наказания:

- лицо, исключённое из СРО арбитражных управляющих, отстраняется от участия в процедурах банкротства в соответствующем профессиональном качестве;

- лицо, исключённое из СРО арбитражных управляющих в связи с нарушением действующего законодательства, федеральных стандартов, стандартов и правил профессиональной деятельности, не устраненным в

установленный СРО арбитражных управляющих срок или носящим неустранимый характер, не может в течение трёх лет вступить в любое СРО арбитражных управляющих.

Делегирование законодателем возможности корректировать поведение арбитражных управляющих в процессе реализации своей профессиональной деятельности СРО арбитражных управляющих является верным решением, позволяющим на первичном уровне обеспечить следование арбитражным управляющим требованиям действующего законодательства и профессиональным стандартам, выступая в качестве важного элемента обеспечения добросовестности арбитражного управляющего, применительно к реализуемым профессиональным обязанностям.

В заключении третьей главы исследования сформулируем следующие выводы.

Вопрос ответственности арбитражного управляющего является неотъемлемым элементом его правового статуса.

Что касается гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, то она наступает в универсальной форме – в форме возмещения убытков. При этом, возмещению подлежит и реальный ущерб, и упущенная выгода, следуя принципу полного возмещения убытков.

Несмотря на некоторые сложности доказывания наличия ущерба в виде упущенной выгоды, а также сложности в определении его размера, взыскание ущерба такого рода с арбитражного управляющего, привлекаемого к гражданско-правовой ответственности, возможно.

Что касается вопроса о возможности фактического взыскания убытков, причинённых незаконными действиями арбитражного управляющего – исполнения соответствующего решения арбитражного суда, то в нормах Закона о банкротстве созданы предпосылки для обеспечения возможности полноценного взыскания суммы причинённого ущерба.

Возможности совершенствования существующих гарантий выплаты возмещения ущерба, причинённого арбитражным управляющим должнику,

кредиторам, или иным лицам, могут заключаться в увеличении минимального размера компенсационного фонда СРО арбитражных управляющих, а также увеличении взносов арбитражных управляющих в данный фонд. Однако, для такого рода решений на законодательном уровне, необходим предварительный подробный анализ статистики выплат из средств компенсационных фондов.

Как представляется, действующий механизм привлечения арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности и возмещения причинённого им ущерба, является, с одной стороны, важным превентивным средством, направленным на предупреждение совершения арбитражным управляющим недобросовестных, незаконных действий, а с другой стороны – эффективным способом получения пострадавшей стороной непосредственного возмещения ущерба, с учётом проработки законодателем соответствующих гарантий такого возмещения

Что касается привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности, можно сделать вывод о том, что законодателю следует отказаться от бланкетной конструкции, применительно к ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, определив непосредственно в административно-правовой норме объективные признаки данного правонарушения.

Кроме того, санкция ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ видится чрезмерно суровой. Отсутствие альтернативы дисквалификации, с одной стороны, не позволяет суду должным образом дифференцировать ответственность арбитражного управляющего, с учётом конкретных особенностей совершённого им правонарушения, а с другой стороны, создаёт предпосылки для злоупотреблений, связанных с жалобами на действия арбитражного управляющего с целью его повторного привлечения по формальным критериям к административной ответственности и дисквалификации.

В этой связи, видится необходимым закрепление в санкции ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, наряду с дисквалификацией, иного административного наказания – например штрафа.

Подобные нормативные корректировки будут способствовать совершенствованию регулирования административной ответственности арбитражных управляющих и создадут основу для формирования более последовательной и единообразной судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ.

Помимо административной ответственности, арбитражный управляющий может быть привлечён к дисциплинарной ответственности.

Перечень, предусмотренных Законом о банкротстве мер дисциплинарного воздействия, применимых к арбитражному управляющему, является открытым и может быть дополнен самими СРО арбитражных управляющих и обозначен в соответствующих внутренних документах.

Делегирование законодателем возможности корректировать поведение арбитражных управляющих в процессе реализации своей профессиональной деятельности СРО арбитражных управляющих является верным решением, позволяющим на первичном уровне обеспечить следование арбитражным управляющим требованиям действующего законодательства и профессиональным стандартам, выступая в качестве важного элемента обеспечения добросовестности арбитражного управляющего, применительно к реализуемым профессиональным обязанностям.

Заключение

В заключении работы сформулируем общие выводы по проведённому исследованию, а также предложения, направленные на совершенствование регулирования.

Определение родового понятия арбитражного управляющего содержится в Законе о банкротстве – это гражданин РФ, являющийся членом СРО арбитражных управляющих. Анализируемый статус лицо приобретает с момента вступления в СРО.

В настоящее время деятельность арбитражного управляющего является частной практикой, которая реализуется арбитражным управляющим, как субъектом профессиональной деятельности.

Проведённый анализ отечественного законодательства, регламентирующего деятельность арбитражного управляющего, позволяет сделать вывод о том, что соответствующие нормативные положения формировались и развивались в общем контексте правового регулирования несостоятельности на разных этапах исторического развития.

Эффективность и результативность деятельности арбитражного управляющего, во многом, предопределяется уровнем его профессионализма – целостным соответствием тем компетенциям, которые заложены в комплексе требований, предъявляемых к данному субъекту действующим законодательством.

Основные нормативные требования, которым должно соответствовать лицо, претендующее на получение статуса арбитражного управляющего, определены законодателем в ряде положений Закона о банкротстве.

Также на уровне СРО, в качестве условий членства, могут устанавливаться дополнительные требования.

Вопрос о возможности получить статус арбитражного управляющего лицу с двойным гражданством, одно из которых является гражданство РФ, остаётся открытым.

В этой связи представляется целесообразным уточнить в положениях Закона о банкротстве вопрос возможности получения статуса арбитражного управляющего гражданином РФ, имеющим иную правовую связь с зарубежным государством.

Как представляется, законодатель, через комплекс нормативных требований, предъявляемых к лицу, претендующему на получение статуса арбитражного управляющего, создаёт основу правового статуса данного субъекта, ограничивая круг лиц, которые в силу своих объективных характеристик будут способны стать носителями соответствующих прав и обязанностей в сфере антикризисного управления.

Относительно прав и обязанностей арбитражного управляющего, следует отметить, что ст. 20.3 Закона о банкротстве содержит их базовый комплекс, сформулированный безотносительно конкретных процедур несостоятельности (банкротства), в которых арбитражный управляющий может принимать непосредственное участие в соответствующем процедурном качестве.

Дополнительный объём правомочий, ориентированный на арбитражного управляющего, принимающего участие в процедурах несостоятельности в различных профессиональных ролях, регламентируется законодателем дополнительно, в соответствующих статьях Закона о банкротстве.

Дополнительный объём правомочий представляет собой уточнение общих прав и обязанностей арбитражного управляющего, применительно к специфике соответствующей процедуры.

В контексте реализации прав и обязанностей арбитражного управляющего, нуждаются в анализе две базовые характеристики действий арбитражного управляющего при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве: «разумность» и «добросовестность».

Законодатель, к сожалению, никак не раскрывает содержание данных категорий, что оставляет простор для толкований.

На основе анализа научных позиций, а также позиции, обозначенной в судебной практике, можно сформулировать следующее определение вышеназванных категорий: разумность действий арбитражного управляющего – это следование в осуществлении возложенных обязанностей комплексу нормативных правил, регламентирующих осуществление профессиональной деятельности арбитражного управляющего.

Добросовестность действий арбитражного управляющего – это честное, ответственное отношение к возложенным обязанностям, выражаемое в совершении необходимых и достаточных профессиональных действий, для достижения цели процедуры несостоятельности (банкротства).

Таким образом, разумность и добросовестность рассматриваются законодателем в качестве мерила адекватности принимаемых решений и предпринимаемых действий арбитражного управляющего.

Регламентируя отстранение арбитражного управляющего в различном процедурном качестве, законодатель, к сожалению, использует отличные друг от друга формулировки оснований отстранения, что создаёт терминологические разночтения.

Определённо, в подобных случаях, регламентируя содержательно сходные между собой вопросы, применительно к различным процедурам, законодателю следует быть последовательным и дублировать соответствующие нормативные положения, избегая разночтений, приводящих не ошибочным толкованиям.

Исключительным полномочием отстранить арбитражного управляющего (в любом процедурном качестве) от дальнейшего исполнения обязанностей в процедуре несостоятельности (банкротства) обладает лишь суд.

Вопрос ответственности арбитражного управляющего является неотъемлемым элементом его правового статуса.

Что касается гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего, то она наступает в универсальной форме – в форме

возмещения убытков. При этом, возмещению подлежит и реальный ущерб, и упущенная выгода, следуя принципу полного возмещения убытков.

Несмотря на некоторые сложности доказывания наличия ущерба в виде упущенной выгоды, а также сложности в определении его размера, взыскание ущерба такого рода с арбитражного управляющего, привлекаемого к гражданско-правовой ответственности, возможно.

Что касается вопроса о возможности фактического взыскания убытков, причинённых незаконными действиями арбитражного управляющего – исполнения соответствующего решения арбитражного суда, то в нормах Закона о банкротстве созданы предпосылки для обеспечения возможности полноценного взыскания суммы причинённого ущерба.

Возможности совершенствования существующих гарантий выплаты возмещения ущерба, причинённого арбитражным управляющим должнику, кредиторам, или иным лицам, могут заключаться в увеличении минимального размера компенсационного фонда СРО арбитражных управляющих, а также увеличении взносов арбитражных управляющих в данный фонд. Однако, для такого рода решений на законодательном уровне, необходим предварительный подробный анализ статистики выплат из средств компенсационных фондов.

Как представляется, действующий механизм привлечения арбитражного управляющего к гражданско-правовой ответственности и возмещения причинённого им ущерба, является, с одной стороны, важным превентивным средством, направленным на предупреждение совершения арбитражным управляющим недобросовестных, незаконных действий, а с другой стороны – эффективным способом получения пострадавшей стороной непосредственного возмещения ущерба, с учётом проработки законодателем соответствующих гарантий такого возмещения

Что касается привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности, можно сделать вывод о том, что законодателю следует отказаться от бланкетной конструкции, применительно

к ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, определив непосредственно в административно-правовой норме объективные признаки данного административного правонарушения.

Кроме того, санкция ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ видится чрезмерно суровой. Отсутствие альтернативы дисквалификации, с одной стороны, не позволяет суду должным образом дифференцировать ответственность арбитражного управляющего, с учётом конкретных особенностей совершённого им правонарушения, а с другой стороны, создаёт предпосылки для злоупотреблений, связанных с жалобами на действия арбитражного управляющего с целью его повторного привлечения по формальным критериям к административной ответственности и дисквалификации.

В этой связи, видится необходимым закрепление в санкции ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, наряду с дисквалификацией, иного административного наказания – например штрафа.

Подобные нормативные корректировки будут способствовать совершенствованию регулирования административной ответственности арбитражных управляющих и создадут основу для формирования более последовательной и единообразной судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ.

Перечень, предусмотренных Законом о банкротстве мер дисциплинарного воздействия, применимых к арбитражному управляющему, является открытым и может быть дополнен самими СРО арбитражных управляющих и обозначен в соответствующих внутренних документах, регламентирующих вопросы дисциплинарной ответственности арбитражных управляющих.

Делегирование законодателем возможности корректировать поведение арбитражных управляющих в процессе реализации своей профессиональной деятельности СРО арбитражных управляющих является верным решением, позволяющим на первичном уровне обеспечить следование арбитражным

управляющим требованиям действующего законодательства и профессиональным стандартам, выступая в качестве важного элемента обеспечения добросовестности арбитражного управляющего, применительно к реализуемым профессиональным обязанностям.

Таким образом, действующее регулирование статуса арбитражного управляющего, как комплекса прав, обязанностей и ответственности данного субъекта, продолжает нуждаться в своём планомерном и поступательном совершенствовании, по мере развития отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством).

Актуальность соответствующей законодательной нормотворческой работы в данном направлении не подвергается сомнению в связи с возросшей востребованностью в современной правоприменительной практике процедур несостоятельности (банкротства), как неизбежного следствия кризиса в отечественной экономике.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Ахмедов А.Т., Вилкова Н.Г. Проблемные вопросы отстранения арбитражных управляющих в законодательстве о банкротстве // Наукосфера. 2022. № 5-1. С. 146-151.
3. Бабкина И.Н. Становление и развитие института арбитражного управляющего в России // Вестник Брянского госуниверситета. 2008. № 2. С. 107-117.
4. Баринов А.М., Бушев А.Ю., Городов О.А. и др. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. В.Ф. Попондопуло. М.: Проспект, 2017. 1200 с.
5. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2009. 702 с.
6. Винницкий А.В. Административная ответственность арбитражных управляющих: динамика и практика применения новых норм КоАП РФ // Административное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 11-25.
7. Витрянский В.В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник ВАС РФ. Спец. приложение. 2001. № 3. С. 95-97.
8. Городилов М.А. Методика расчета упущенной выгоды в финансово-экономических экспертизах // Аудиторские ведомости. 2016. № 10. С. 55-70.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
10. Гражданское право: Учебник / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. Т. 1. М.: Юриздат, 1944. 419 с.
11. Дисциплинарный кодекс Некоммерческого партнёрства Саморегулируемая организация арбитражных управляющих «РАЗВИТИЕ» (НП СРО АУ «РАЗВИТИЕ»), утв. Решением Общего собрания членов НП СРО АУ «РАЗВИТИЕ» (Протокол № 8 от 11.12.2009 г) //

<https://razvitiesro.ru/struktura/discipl-komitet/discipl-kodeks?ysclid=lf84fxuqsv92910084>

12. Закон РФ от 19.11.1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.

13. Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // СЗ РФ. 1997. № 41. Стр. 8220-8235.

14. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22.05.2012 г. № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих» // Вестник ВАС РФ. № 8, август, 2012.

15. Кацян Н.С. Права и обязанности арбитражного управляющего: актуальные вопросы практической деятельности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4 (172). С. 65-67.

16. Кириченко Т.С., Елкина М.А. Особенности отстранения арбитражного управляющего от возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве // Экономика, управление, общество: история и современность. Мат. XVII Всеросс. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2019. С. 279-283.

17. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2.

18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

19. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. В.Ф. Попондопуло. М.: Проспект, 2011. 776 с.

20. Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. Е.А. Рыбасовой. М.: Юстицинформ, 2011. 624 с.

21. Кравченко А.А. К вопросу об обеспечении реализации принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография, коллектив авторов / МГУ имени М.В. Ломоносова / отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 364 с.

22. Кузовков К.В. Ответственность арбитражного управляющего. Практические вопросы отстранения арбитражного управляющего // Актуальные проблемы правоприменения в рамках правоотношений компаний газохимического комплекса. Сб. статей всеросс. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 63-71.

23. Лукашева Е.А. Общая теория прав человека. М., 1996. 358 с.

24. Мамиконян К.О. Методика расчета упущенной выгоды в рамках финансово-экономической экспертизы // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 164-169.

25. Мурашкина Е.В. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008. 23 с.

26. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве) / под ред. В.В. Витрянского. М.: Статут, 2003. 1037 с.

27. Новикова А.Ю., Мусаева Э.М. Правовой статус арбитражных управляющих: понятие, виды, совокупность прав и обязанностей, юридическая ответственность // Новеллы материального и процессуального права. Сб. мат. Регион. (межвуз.) науч.-практ. конф. Красноярск, 2020. С. 9-13.

28. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением главы 23 Налогового кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.10.2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль, 2016.

29. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1987. 797 с.

30. Определение ВАС РФ от 06.06.2012 г. № ВАС-7243/12 по делу № А14-3797/2011 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

31. Определение Верховного суда Российской Федерации от 16.04.2015 г. по делу № 310-ЭС14-9099 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

32. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС15-18344 от 29.07.2016 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

33. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.10.2017 г. № 305-ЭС17-8225 по делу № А40-154653/2015 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.09.2017 г. № 309-ЭС17-6744 по делу № А07-8842/2016 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

35. Пахольчик Е.Д. Становление и развитие коммерческих судов в России в первой половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 3. С. 22-44.

36. Положение о дисциплинарной комиссии и мерах дисциплинарного воздействия, утв. Решением Общего собрания (Протокол № 27 от 01.02.2022 г.) // https://eurosib-sro.ru/upload/iblock/f92/pol_discip_kom_2022.doc

37. Порядок применения мер дисциплинарного воздействия в отношении членов Ассоциации «Краснодарская межрегиональная саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Единство» (Ассоциация «КМ СРО АУ «Единство»), утв. Решением Общего собрания членов Ассоциации «КМ СРО АУ «Единство» (Протокол от 03.12.2020 г.) //

<https://sro-edinstvo.net/wp-content/uploads/2022/09/Poryadok-primeneniya-mer-DV-03.12.2020.pdf>

38. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.01.2017 г. № Ф07-12489/2016 по делу № А66-13884/2013 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

39. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.09.2015 г. по делу № А53-7799/2013 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

40. Постановление Верховного Суда РФ от 18.12.2015 г. № 308-АД15-15501 по делу № А53-571/2015 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

41. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 46 – 47. Ст. 478.

42. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

43. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт» // СЗ РФ. 2013. № 4. Ст. 304.

44. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 335.

45. Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Хозяйство и право. 2005. № 2.

46. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 г. № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 2, февраль, 2010.

47. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). № 34, 30.08.2013.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2015.

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5, май, 2016.

50. Постановление Правительства от 25.06.2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражными управляющими финансового анализа» // СЗ РФ. 2003. № 26. Ст. 2664.

51. Постановление Правительства РФ от 09.07.2004 г. № 345 «Об утверждении Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов» // СЗ РФ. 2004. № 29. Ст. 3052.

52. Постановление Правительства РФ от 28.05.2003 г. № 308 «Об утверждении Правил проведения и сдачи теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих» // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2169.

53. Приказ Минэкономразвития России от 18.12.2012 г. № 799 «Об утверждении Федерального стандарта деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих «Правила проведения стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего» // Российская газета. № 303, 31.12.2012.

54. Приказ Минэкономразвития РФ от 10.12.2009 г. № 517 «Об утверждении Единой программы подготовки арбитражных управляющих» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 12, 22.03.2010.

55. Псковская судная грамота 1467 г. // Российское законодательство X - XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

56. Разъяснение Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу о возможности совмещения статуса адвоката и статуса арбитражного управляющего, утв. Решением Совета ФПА РФ от 26.04.2022 г. // <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-commissions/razyasnenie-komissii-fpa-rf-po-etike-i-standartam-po-arbitrajnym-upravlyayuschim/?ysclid=lehgw75f6f772881451>

57. Русанов М.С. Правовые требования к осуществлению арбитражного управления по российскому законодательству: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

58. Русская Правда // Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. М., 1998.

59. Старицын И.А. К вопросу о возможности взыскания с арбитражного управляющего убытков в виде упущенной выгоды // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 116-119.

60. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 31.12.2022 г. // [https://download.fedresurs.ru/news/Статистический бюллетень Федресурс банкротство 2022.pdf](https://download.fedresurs.ru/news/Статистический_бюллетень_Федресурс_банкротство_2022.pdf)

61. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

62. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

63. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

64. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

65. Указ Президента РФ от 14.06.1992 г. № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применению к ним специальных процедур» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1419.

66. Ускова Т.В. Отдельные проблемы административной и дисциплинарной ответственности арбитражного управляющего // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 11. С. 37-41.

67. Устав о банкротах от 19.12.1800 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 8. М.: Юрид. лит. 1991.

68. Устава о торговой несостоятельности от 23.06.1832 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 8. М.: Юрид. лит. 1991.

69. Устимова С.А., Рассказова Е.Н. Проблематика правового регулирования статуса арбитражных управляющих // Вестник Московского университета МВД России. 2021. С. 105-108.

70. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

71. Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

72. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 222.

73. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

74. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

75. Федеральный закон от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

76. Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 11.

77. Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 4.

78. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

79. Федоров С.Н. Виды ответственности арбитражных управляющих // Правовые вопросы недвижимости. 2014. № 2. С. 25-27.

80. Фролович Э.М. История становления института вознаграждения арбитражного управляющего // Проблемы гармонизации законодательства о банкротстве с уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным законодательством. Сб. мат. Всерос. науч.-практ. круглого стола / отв. ред. Р.В. Новиков. Пермь, 2018. С. 88-94.

81. Чупракова А.Э. Система страхования как один из способов обеспечения имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций в сфере предпринимательства // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 5 (45). С. 435-439.

82. Чуракова Е.Н., Турапина А.В., Хамидулло Д.Н. Проблема доказывания в делах о банкротстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-1 (51). С. 247-250.

83. Швачко У.Е. Малозначительность, как возможность освобождения арбитражного управляющего от административной ответственности // Вестник магистратуры. 2020. № 4-1 (103). С. 52-56.

84. Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по

Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. 416 с.

85. Яровой Д.О. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего: актуальные проблемы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 2 (8). С. 42-46.

86. Яровой Д.О. Финансово-экономическая экспертиза в процедурах несостоятельности (банкротства): значение и проблемы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). С. 75-79.